

Владимир Гарасев

Солнечная сторона

Владимир Гарасев
Солнечная сторона

«Издательские решения»

Гарасев В.

Солнечная сторона / В. Гарасев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507956-5

Если вы начали понимать, что:город-офис-день-сурка — это слишком мало;секс-от-скуки — это еще меньше;шоппинг-клуб-ресторан — это почти ничего;Если вы настаиваете, что интересное должно происходить с вами не в фэнтези и компьютерных играх, а в реальности;Если вы чувствуете, что и ваша работа, и привычные способы убивать время не вызывают у вас ощущения жизни;И вообще начинает казаться, что вам нужно то, чего у вас нет — тогда я предлагаю вам мои книги.Владимир Гарасев

ISBN 978-5-00-507956-5

© Гарасев В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 1	6
Пролог 2	7
Москва, февраль 1986: штормовое предупреждение	10
Москва, 1987 – 1992: ... что и требовалось доказать	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Солнечная сторона

Владимир Гарасев

© Владимир Гарасев, 2019

ISBN 978-5-0050-7956-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог 1

Москва, июль 1977: I can get it

Солнечным золотисто-зеленым утром два человека пребывали в небольшой, обитой некрашеной еловой доской комнате на втором этаже старой дачи.

Пожилый господин сидел в кресле за письменным столом. Его лицо с правильными чертами и все еще густые, хотя и совершенно седые волосы, лишь поредевшие надо лбом, делали его лет на десять моложе его настоящего возраста. Несколько листов бумаги, несколько конвертов и шариковая ручка лежали на столе перед ним.

Молодой человек лет семи лежал на животе на диване, и читал журнал; в лице его можно было найти немалое сходство с лицом пожилого господина. «Нэйшнл Джеографик», яркий, цветной, но заметно потрепанный издан был, разумеется, на английском, и могло показаться, что молодой человек просто внимательно рассматривает картинки. Но по движению его взгляда и губ становилось понятно, что он читает, хотя и не без труда, возвращаясь то и дело назад и, видно, угадывая то, что не смог прочесть.

Пожилый господин медлил; шариковая ручка лежала перед ним на чистых листах; казалось, он думал, с чего начать. Потом, словно непроизвольно, взгляд его перешел с бумаги на молодого человека; через некоторое время тот почувствовал, что на него смотрят, и поднял голову от журнала. В лице его явственно читалось, что он все еще там – в мире, отраженном глянцевыми страницами.

Пожилый господин спросил:

– Сможешь сказать: «Я могу получить это»?

Молодой человек улыбнулся:

– I can get it.

– Do you shua this?

Молодой человек кивнул:

– Couse...

– Why?

Молодой человек еще раз улыбнулся и пожал плечами:

– Becouse this is...

Пожилый господин кивнул; можно было предположить что он доволен, но даже легкая улыбка не нарушила серьезности его лица.

– Хорошо. Тогда я не буду тебе мешать.

Молодой человек тотчас вернулся к журналу.

Пожилый господин посмотрел на лежащие перед ним листы бумаги:

– И возможно, мне даже удастся тебе помочь...

Пролог 2

Буэнос-Айрес, сентябрь 2005: вечер трудного дня

Когда Хельга Ларсен забиралась в кабину «Гольфстрим 100», она зацепила каблуком нижнюю кромку дверного проема и едва не споткнулась.

Не удивительно: она очень редко надевала обувь с высокими каблуками, минувший день прошел в делах и волнениях, а последовавшая за ним ночь приближалась к утру.

Еще одна причина состояла в том, что ей было очень, очень не по себе.

Это было очень, очень приятное ощущение; что-то вроде падения, пожалуй – небыстрого, плавного, похожего на долгожданный провал в сон.

Но спать не хотелось, напротив – она чувствовала необычайную ясность и остроту ощущений; иногда ей казалось, что она чувствует озноб.

Поднимаясь в кабину, она всегда оглядывалась на двигатель, расположенный с той стороны фюзеляжа, где трап. Особого смысла в этом не было, так как к ее появлению двигателя были прогреты и, разумеется, работали. И разумеется, это было ясно на слух. Но она все равно, с раннего детства, проверяла – слилась ли в диск спиралька на передних лопастях турбины. Сейчас она совершенно об этом забыла.

Она прошла в кабину; за ее спиной сразу же поднялся трап.

Остановилась в проходе между креслами – она то и дело отключалась от происходящего, забывала, что собиралась делать сейчас. Никогда в жизни она не чувствовала себя так.

– Мисс Ларсен...

Она оглянулась; командир экипажа в дверях пилотской кабины смотрел на нее несколько удивленно.

Она поспешно кивнула:

– Да, отправляемся...

Стащила куртку, положила куда-то, не глядя. Села в кресло перед столиком – ее обычное место, она всегда что-то делала в перелетах, если не спала, и ставила на столик ноутбук – и пристегнулась.

Самолет тронулся. Поплыли назад квадратные бетонные плиты, колеса слабо отмечали их стыки...

Поворот на рулежку, еще немного стыков. Поворот на взлетную полосу. Остановка.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Потом положила руки на колени.

Колготки.

Она засмеялась – почти неслышно в шуме двигателей; она привыкла чувствовать на ногах джинсы, шорты, пластик лыжных штанов, иногда – довольно грязный брезент; странно было чувствовать свои ноги под тканью колготок.

Колготки, весьма необременительное платье и туфли на каблуках. Она стеснялась всего этого, она хотела показать человеку, ради которого летела сюда из Нью-Йорка: это шутка, это игра, не принимай это всерьез; я хочу спрятаться за этой шуткой и позволить себе быть серьезной, но в случае неудачи отступить без проблем. Если тебе нужна правда, ты легко сможешь увидеть ее...

Какая приятная вещь – полная неразбериха в голове! Никакой ответственности перед собой...

Шум двигателей усилился. Самолет стоял на тормозах, разгоняемые двигатели пока не могли стронуть его.

Она стала медленно вести руками от коленей вверх, к кромке платья. У нее сразу пересохло во рту.

Тормоза отпущены!

С раннего детства она всегда ждала этого момента. Особенно хорошо было на небольших аэродромах, где короткие полосы, и взлетать надо быстро. У «Гольфстримов» не лучшая экономичность, зато хорошая скороподъемность...

Ее вжало в спинку кресла, что-то сорвалось с места внутри и полетело куда-то, непонятно куда. Ее ладони остановились на внутренних сторонах бедер рядом с краем платья.

Кресло запрокинулось назад, и она почувствовала, как исчезло ощущение колес на бетоне.

Она распахнула глаза и повернулась к иллюминатору.

За иллюминатором проваливалась земля.

Ускорение по-прежнему прижимало ее к спинке кресла.

Она сжала руки ногами. Дышать было не обязательно. Самолет – длинный цилиндрический предмет, торчащий под углом к горизонту – прижимал ее к креслу. Говорят, доктор Фрейд объяснял, отчего мальчики любят паровозы. Может, он знал, отчего девочки любят длинные цилиндрические самолеты, прижимающие их к спинке кресла?

Она хотела засмеяться от этой мысли, но не могла. Не получалось. Не хватало дыхания – для смеха надо было вдохнуть куда больше воздуха, чем она вдыхала сейчас. Промелькнула мысль, что этими неосознанными фокусами с дыханием и бедрами она пытается получить оргазм. Это было не так, она чувствовала смешную неуместность этого, несообразность какого-то там оргазма видимому и ощущаемому ею, но объяснить себе не могла. Мысли тоже были сейчас неуместны, они также не получались, как смех.

Потом все постепенно прошло. Самолет выравнивался. Она начала дышать.

Интересно – командир экипажа, который обычно выполняет взлет – он знает, что ей это нравится? Она всю жизнь с ним летает. Может, он что-нибудь замечал? Ей двадцать четыре года, времени было немало... Конечно, есть определенные правила, по которым надо взлетать. Например, нельзя поднять нос самолета выше определенного, потому что тогда мощности двигателей и подъемной силы не хватит, чтобы держать самолет в воздухе и он уйдет в плоский штопор, из которого не выйти. Но все-таки это можно делать по-разному, и на верхней границе возможного все выглядит совсем не так, как на нижней...

Она почти успокоилась. Но то, что происходило вокруг, никогда не оставляло ее равнодушной.

Волшебство, настоящее волшебство! Вот о чем мечтали люди, с давних пор придумывая всякие сказочные способы уподобиться птицам!

Отец не разрешал ей летать коммерческими рейсами, но однажды она оказалась на корпоративном «Боинг 737». И это было совсем по-другому, надо сказать. Она сидела возле иллюминатора, но эффект все равно был не тот. Большой самолет воспринимается как большая комната с картинкой за окнами. В большом самолете можно закрыть глаза и вообразить, что вы дома, и под ногами у вас просто пол. Большой самолет куда меньше трясет, и многим, разумеется, это нравится. Может, у них просто проблемы с вестибулярным аппаратом, и они не получают кайфа от того, что происходит в полете?

Маленький джет ловит каждую неоднородность воздуха, через который идет. В нем легко почувствовать, что под вами – километры все углубляющейся пустоты. Что картинка за иллюминатором – это действительно настоящий, реальный, необъятный простор. Что вы летите. Что опоры нет. Что вы в воздухе. И только он один позволяет вам не упасть с этих километров высоты, обегая крылья и тонкую скорлупу фюзеляжа, подрагивающую вокруг вас.

Но и это не могло привлечь ее внимание надолго сейчас.

Тот человек, с которым она встречалась здесь, в Айресе...

У нее были совершенно другие планы, когда она знакоилась с ним. Она совсем не знала его... да в общем, и знать не хотела. И совсем не хотела того, что получилось. Он должен был отдать ей одну вещь, и уйти. Но все оказалось не так, как она ожидала. Совсем не так...

– Откуда ты взялась в этом мире?

Она все вспоминала, как он это сказал. Слова предполагали иронию, но звучали совершенно серьезно. Казалось, он получил очень приятный сюрприз. Казалось, он и впрямь узнал в ней существо из другого мира. Из его собственного. Он давно не встречал никого из своих, и привык скрывать, откуда он...

Ей стало вдруг страшно. Страшно потому, что она почувствовала – в ней появилась какая-то другая Хельга. Страшно и увлекательно. Словно она вдруг поняла, что с высоты действительно можно упасть. Но это был такой страх, от которого не хочется бежать; он только подчеркивал, что она жива, что она есть... что у нее есть крылья, и потому ей не надо бояться падения. Что если она прыгнет в пустоту, то полетит.

На востоке, за океаном, светлая полоса в небе объявляла о наступлении нового дня.

Москва, февраль 1986: штормовое предупреждение

Олег Соболев отложил ручку, и поднялся из-за заваленного учебниками и тетрадями письменного стола.

В лице его можно было заметить оттенок досады: из-за двери доносилось бормотание телевизора; этот звук всегда ему очень мешал.

Он вышел в прихожую.

Ну да, так и есть. Дверь в комнату родителей приоткрыта, а в комнате работает телевизор. Соболев заглянул в комнату.

Никого.

Ну, разумеется! Отец еще не приехал с работы. К своим сорока пяти годам Соболев-старший вполне повторил карьеру своего отца, деда Соболева-младшего: написал докторскую и возглавил отдел в серьезном техническом НИИ. И как и дед, Соболев-старший был фанатом и игроком – он никогда не работал только для того, чтобы получать зарплату, которой хватает на жизнь. Уезжать с работы в шесть-ноль-ноль – не в его правилах. И даже в шесть тридцать, дождавшись, как полагается боссу, чтобы свалил последний сотрудник, и обозначив тем самым свою особую занятость. Соболев-старший мог приехать домой и в девять, и в десять. Зачем бросать интересное дело, которое можно сделать сейчас? Хочется ведь увидеть процесс завершенным, пришедшим к желаемому результату!

Но маман прибывала домой в семь. Будучи в одиночестве, она всегда включала телевизор там, где находилась. И не всегда выключала, когда уходила. Второе телебормотание доносилось из кухни, но из комнаты Соболева-младшего оно не было слышно.

Соболев направился-было к телевизору, но тут его привлек вид из окна.

Комната родителей окном выходила на север, и с высоты шестнадцатого этажа центр Москвы смотрелся из нее очень достойно. Соболев нашел целых четыре высотки – Котельническую, Министерство иностранных дел, Баррикадную и Университет. Вдалеке поднималась Останкинская башня. Да много чего еще можно было увидеть отсюда. Город казался изящной игрушкой, стоящей перед вами на столе – маленькой, но с величайшей точностью выполненной моделью. Соболев всегда завораживал вид с высоты; точная модель города добавляла этому виду привлекательности.

– ...в жизни общества начали проступать застойные явления...

Соболев-младший быстро повернулся к телевизору.

Да нет, он не ошибся. Генеральный секретарь Центрального комитета коммунистической партии, товарищ Михаил Сергеевич Горбачев выступал на недавно открытом двадцать седьмом съезде. И сейчас, судя по всему, читал обычный в таком случае доклад.

Соболев-младший стал внимательно слушать и странное ощущение, словно стены чуть заметно поплыли перед глазами, появилось вдруг у него.

Потому что, сколько он помнил, генеральные секретари никогда не говорили такого. Конечно, в целом речь Горбачева была совершенно традиционной. Но Соболеву-младшему повезло на сэнсея в области новейшей истории. Дед рассказал ему много – благо, восемьдесят лет этой истории прошло при его непосредственном участии – и вызвал у внука немалый интерес к предмету. И еще он говорил: если хочешь знать раньше и больше других – будь внимателен к мелочам.

Да, речь была в целом обычная. Но множество никогда не слыханных Соболевым мелочей не могли не привлечь внимания сведущего человека.

Он дослушал речь до конца, выключил телевизор, и вышел.

В своей комнате он открыл шкаф и раскопал среди одежды ключ от ящичков письменного стола.

Отпер один из ящичков и вытащил из кучи бумаг конверт с надписью «Дача фото 1985». В конверте действительно пребывали дачные фотографии минувшего лета. Но среди них прятался еще один конверт, без всяких надписей.

Соболь достал этот конверт, положил на стол перед собой и некоторое время смотрел на него.

Потом осторожно вскрыл перочинным ножом и вынул плотно исписанные дедовским почерком листы.

«В этом письме содержится предупреждение.

Оно достаточно серьезно для того, чтобы сообщить тебе о нем в возрасте более старшем, чем ты сейчас – я просил тебя вскрыть этот конверт в день твоего шестнадцатилетия.

Но оно может оказаться и срочным, и потому ты должен вскрыть этот конверт и раньше, если придешь к выводу, что в жизни нашей страны возможны значительные перемены.

Серьезный и ответственный человек всегда думает не только о своей судьбе, но и о судьбе страны, в которой живет. Для меня это тем более естественно, что вся советская история прошла при моем непосредственном участии, и еще потому, что мне довелось работать в проектах, которые затрагивали серьезные вещи, и общаться с серьезными людьми.

Своими мыслями о будущем я и хочу с тобой поделиться.

Когда произошла октябрьская революция, мне было семнадцать лет. Я готовился поступать в Высшее техническое училище, а потом всю жизнь работать инженером в области машиностроения, покидая Россию разве что из туристического любопытства. Но в нашей среде – как ты помнишь, мой отец преподавал в гимназии – к революции отнеслись настороженно. Некоторые уехали, другие собирались уезжать. И тогда отец сказал мне вот что. Сейчас – сказал он – ты должен принять решение, которое, возможно, необратимо, и которое определит всю твою дальнейшую жизнь. Ты можешь уехать. Американское миграционное законодательство таково, что тебе потребуется только немного денег – на билет и на первое время – чтобы стать американцем. Эти деньги я тебе дам. Но я не могу дать тебе денег на образование, и в Америке ты будешь никем. Просто неквалифицированным эмигрантом, плохо знающим местный язык. Ты можешь остаться. Тогда ты сможешь получить образование, потому что оно будет бесплатным: сейчас уже ни у кого нет таких денег, чтобы платить за учебу, а специалисты новой власти нужны – их и так не хватало, а многие уехали или уедут потом. Но что будет делать эта власть дальше, кем ты сможешь стать при ней даже с образованием – не знает никто. Выбирать надо быстро. Начинается война, и тебя в любой момент могут мобилизовать. Причем кто угодно – и белые, и красные. Каждый день может решить всю твою жизнь.

Я думал недолго. Представить себя необразованным человеком я не мог. Я мечтал о всяких технических игрушках – тогда что ни день появлялись новые – и очень хотел быть одним из тех, кто их создает. Поэтому я остался.

Дальнейшее тебе известно. Мне повезло – я получил, что хотел. И ни войны, ни репрессии не погубили меня. В гражданскую я заведовал взрывчаткой и всякими прилагаемыми к ней механизмами в своей части, вместо того, чтобы бегать в атаки, а это место хоть и небезопасное, но на нем ты сам отвечаешь за свою жизнь. В тридцатые годы я путешествовал по отдаленным заводам, и не попался на глаза тем, кому не следовало. Отечественную войну я провел в конструкторском бюро, потому что умел уже делать вещи которые, смею гордиться, мало кто умел делать. Так что именно знания, ради которых я и остался, помогли мне пережить самое худ-

шее и преуспеть, когда оно оказалось позади. Мне пришлось пережить несколько рискованных моментов. Но в целом, мое решение оказалось верным.

Я хочу предупредить тебя о том, что и тебе – очень возможно – придется принимать похожее решение.

С тех пор, как умер Сталин, в нашей стране идет постоянный процесс реформирования. Он бывал резким и громким, как хрущевская оттепель. Бывал тихим и малозаметным, как идеи Косыгина.

И похоже, сейчас мы постепенно подходим к очередной попытке что-то изменить.

Изменить – значит вернуться ко временам НЭПа и допустить элементы капитализма; другие средства едва ли помогут. И во времена НЭПа это было сделано, и получилось хорошо.

Но после, при Сталине, была создана очень жесткая система, сковавшая все общество и лишившее его способности самонастраиваться, приспособляясь к меняющемуся миру как вне, так и внутри страны. А ты – будущий инженер – помнишь: где жестко, там хрупко. После Сталина сильно изменились методы, но слабо – система. В ней так и не появилась необходимая гибкость.

И потому при попытке изменить ее часть она может полностью рухнуть.

Конечно, эти перемены можно попробовать оттянуть. Что тебе делать в этом случае, мы много раз обсуждали. Ты продолжаешь семейную традицию, оканчиваешь «бауманский», становишься хорошим инженером и работаешь там, где хорошим инженерам хорошо платят. Два поколения твоих предков шли и идут по этому пути – и ни я, ни твой отец не жалуемся на результат.

Но если попытки очередной реформы окончатся обрушением, у государства может не оказаться денег на хороших инженеров. А частникам такие инженеры не будут нужны, потому что в первые годы капитализма частники не будут делать ничего достаточно сложного.

Это и будет ситуацией, в которой тебе придется решать: оставаться тем, кем ты к тому времени станешь, или стать новым нэпманом – потому что это будет единственный способ заработать на достойную жизнь.

Предвижу, что это окажется сложным решением для тебя. Что-то подсказывает мне, что новый российский капитализм едва ли будет похож на нынешний западный, с элементами социализма. Это, скорее, будет время хаотической деятельности по принципу «грабь награбленное». И человеку, привыкшему серьезно работать на серьезного работодателя за гарантированные блага эта деятельность может показаться дурацкой и небезопасной игрой, от которой лучше держаться подальше. И тем не менее, только она и позволит жить не хуже, чем мы живем сейчас.

Я постарался подготовить тебя к этому выбору. Постарался, чтобы ты прочел побольше книг о том, как живет капиталистическое общество, чтобы его ценности и традиции не были совершенно чужими и неожиданными для тебя.

К сожалению, это все, что я мог сделать.

Никто не знает, как ты будешь жить через десять или двадцать лет. И потому ты должен быть готов к любому повороту событий. Ты должен собирать знания и держать свободные деньги – или то, что можно продать – потому что деньги могут обесцениться слишком быстро. Ты не должен спешить связывать себя семьей, потому что не ясно, сможешь ли ты ее содержать. Ты должен знать об обществе, в котором тогда будешь жить, по возможности много и смотреть по возможности далеко. И главное, ты должен быть морально готов ко всему. К тому, что свою жизнь – благополучную жизнь – придется спасать средствами, о которых мы сейчас даже не думаем. И когда настанет момент решения – решать быстро, обоснованно и без колебаний.

Но есть и еще одна сторона, о которой ты должен помнить.

Когда я начал писать это письмо, ты читал «Нэйшнл Джеографик». Я часто замечаю, как ты отключаешься ото всего, если в руки тебе попадают картинки большого мира, который окружает нас вне повседневной суеты. Я вижу, что этот мир, его простор и возможности завораживают тебя. Я спросил тебя тогда, сможешь ли ты получить то, что так любишь рассматривать. И ты сказал: да, конечно – просто потому, что оно существует. Похоже, у тебя нет и тени сомнения в том, что желаемое можно получить – если оно существует и если его по-настоящему хочешь.

Эта черта – и благословение для человека, и источник проблем. Похоже, ты обречен на нее, потому что все наши предки, едва освободившись от рабства, проявляли ее. Да и само это освобождение – напомним об этом тебе – произошло в силу этой черты: твоей предок, которого мы и считаем основателем нашего клана, крепостной мужик, отпросился у помещика на заработки и уехал с купцами в Сибирь. Купцы эти занимались мехами, отсюда и пошло прозвище, ставшее потом нашей фамилией. Соболя Первого не было в селе несколько лет; учитывая определенные риски того, чем он занялся, его стали считать погибшим. Но он вернулся, вернулся с деньгами и выкупил у помещика себя и свою семью. И с этого момента мы, свободные люди, в каждом поколении добивались чего-то такого, что получают не все. Это не всегда были деньги. Но с тех пор среди людей нашего клана не было таких, которые просто жили бы день за днем, как придется. Все мы знали, чего хотим, все мы получали это – пусть не сразу, путь с трудом.

Поэтому, говоря о времени, когда невозможно будет продолжать привычную жизнь, я хочу подчеркнуть: кризис есть сочетание опасностей и возможностей. Что бы ни произошло, человек не должен предаваться унынию и опускать руки. Судьба безразлична к людям. Она не помогает им, и с безразличием смотрит на их проблемы и гибель. Но она и не мешает бороться с проблемами и избегать гибели. И – очень важно – она способна быть щедрой. Потому что мир переполнен возможностями. И если человек готов подчинить свою жизнь тому, чтобы их получить – он переходит на совершенно другой уровень. Об этом уровне принято говорить: повезло. Но везение почти всегда – это умение смотреть далеко, видеть возможности раньше других и раньше других решительно идти к ним и брать их. Это непросто. Это трудно. Это бывает рискованно. Но честно говоря – я просто не представляю, чем можно заняться еще.

Но не ограничивайся только игрушками. Ведь карьера, положение, деньги, вещи, которые покупаешь за них – это именно только игрушки. Быть может, в твоём возрасте это не очевидно, но поверь на слово: настанет момент, когда тебе станет в тягость быть одиноким ребенком, даже среди океана игрушек. Взрослый человек должен быть не один. И кто бы ни были эти близкие люди – женщины, родственники или друзья – помни вот что. В человеке – обычно – есть две стороны. Теневая и солнечная. Мир человеческий устроен так, что теневая сторона чаще солнечной находит себе пару. И слишком часто человек ждет, что к нему повернутся именно этой стороной. И сам поворачивается ею. Это надежней и безопасней, потому так и делают чаще всего. Но бывают случаи, когда ожидание теневой стороны разрушительно. Ты не веришь человеку и поворачиваешься к нему теневой стороной. Он в ответ поворачивается к тебе теневой стороной. И вы расходитесь, так и не узнав, что способны на большее. Ты сам вызываешь в человеке теневую, а не солнечную сторону.

Долгая жизнь учит осторожности. Но она же учит, что подходящий тебе человек – это очень большая ценность. А подходящих людей мало. И оттолкнув одного из них, ты не можешь быть уверен, что встретишь другого.

И последнее.

В молодости кажется, что жизнь очень большая. Но посмотри на людей вокруг – как проживают они свою большую жизнь? Обычно она просто уходит от них день за днем – длинной цепочкой одинаковых дней, очень длинной, но проходящей очень быстро, потому что каждый ее день совершенно обычен и похож на другой.

Не медли.

Начинай сегодня, и не останавливайся, пока не получишь желаемое.

Жизнь маленькая. Очень маленькая, если смотреть на нее назад. Она большая только для тех, кто много хочет, и не теряет в поисках этого ни единого дня.

Желаю победы.»

Он прочитал письмо дважды, потом убрал в конверт и спрятал в ящик стола.

Потом достал из другого ящика старый автомобильный журнал.

У деда был друг-однокурсник, много лет проработавший в институте автомобильного транспорта. Он достал для Соболя-младшего штук десять зарубежных автомобильных журналов и каталогов автомобильных фирм.

Соболь открыл журнал в хорошо знакомом ему месте – все эти журналы и каталоги он мог пролистать по памяти, вспомнив каждую страницу; он смотрел их огромное множество раз.

Но на открытой им странице важен был не автомобиль; вернее, не он в первую очередь. Автомобиль там, конечно, имелся – красный, как ему и полагается, «Феррари» семидесятых годов. А кроме того, на картинке пребывала леди лет двадцати пяти, только что из него выбравшаяся, и дом среди сосен метрах в тридцати позади, словно на склоне холма – к нему поднималась узкая пешеходная дорожка.

Эту картинку Соболь смотрел с первых сознательных лет. Ребенком он видел на ней только «Феррари». Потом его заинтересовала архитектура дома – верно оттого, что это был загородный дом, а Соболь с очень раннего детства предпочитал дачу Москве. Но в какой-то момент он, разумеется, заинтересовался и леди.

К тому времени, что было на картинке, из рекламы исчезли и странноватые на взгляд Соболя типажи пятидесятых годов, и утрированно-гламурные образы вроде Катрин Денев в «Дневной красавице» или Одри Хэпберн в «Завтрак у Тиффани». Конечно, он не видел этих фильмов тогда, но впоследствии именно они создали для него самые запоминаемые типажи тех времен. Леди на картинке отражала уже эпоху, когда хиппанство решительно потеснило гламур. Вместо невыразительных юбочек – расклешенные джинсы, вместо непойми чего – обтягивающая водолазка, а вместо прически, существующей только благодаря гелю для укладки – прямые, расчесанные шатенистые волосы до середины длинной, узко-гибкой спины. Все это было приятно, и не портило впечатления.

Но создавало впечатление не это.

Его создавало лицо.

Наверное, его следовало назвать красивым. Но красота бывает разная. Бывает, она – просто правильные черты, за которыми ничего нет. Бывает – она отталкивает, как неосознанно отталкивали Соболя всякие признаки детскости в лицах взрослых женщин. А бывает – она побуждает мечтать, и наделять свою обладательницу всеми мыслимыми достоинствами.

Лицо леди с «Феррари» побуждало мечтать. Оно казалось очень взрослым. Невозможно было представить на нем каприз, раздражение ерундой, дешевую игру для дешевого зрителя. И была в нем какая-то трудноопределимая сила. Казалось, что его обладательница умеет чувствовать и хотеть. Но не обычный вздор, который ассоциируется с красоткой из рекламы мужских вещей – приложением к тому, что она рекламирует. Чувствовать и хотеть чего-то такого, что и он, Соболь, считает важным и настоящим. Леди с «Феррари» выглядела разумным существом, в ее взгляде легко было увидеть то особое выражение, что создает осознание себя и окру-

жающего, и готовность пустить в ход волю ради достижения своих целей. Она не смотрелась бонусом к автомобилю. Казалось, что она не рекламирует этот «Феррари», что это ее автомобиль. Что он – просто часть ее мира, где такие автомобили обычны, и жизнь тратится не на них, а на важное и настоящее.

Он смотрел в ее обращенные к нему внимательные глаза, и так и слышал ее голос: посмотри, незнакомец: я – поданный тебе знак. Знак того, что в мире есть нечто особенное, важное и настоящее, о котором знают не все. Есть особая, настоящая жизнь. В ней водятся такие, как я. И отсюда, из своего невеленда, я смотрю на тебя и говорю тебе – эта жизнь существует; не теряй веры; не медли; и не вздумай остановиться на полдороги, потому что мы тебя ждем – я и твоя жизнь...

Так сидел он долго, не отдавая себе отчета в том, о чем думает.

Где-то высоко в темноте замковый камень огромной арки выскользнул из соседних камней, и медленно, преодолевая свою огромную инерцию, начал падать.

Нью-Йорк, март 2005: Только Одинокие Скунсы

Стандартно-приветливая блондинка при ее появлении поднялась из-за своего стола со приветливо-стандартной улыбкой:

– Доброе утро! Мистер Ларсен ждет вас...

– Доброе утро! – Хельга тоже ей улыбнулась, широко и довольно – хорошо было у нее на душе этим солнечным мартовским утром – и толкнула высокую темную дубовую дверь.

За дверью был Манхэттен – с высоты примерно тридцатого этажа. Впрочем, между дверью и пустотой, из которой поднимались близкие высокие дома, было немного пола и стеклянная стена. Кабинет ее отца не отличался размерами. Какими-то особыми изысками он тоже не отличался. Больше всего он походил на их старый дом в Норвегии – не по дизайну, конечно, но по отношению к вещам. Этим домом ее предки владели не одну сотню лет, обстановку на меняли примерно столько же, а представления о роскоши тогда были явно проще, чем ныне.

– Доброе утро!

Он поднял на нее глаза и кивнул; на лице его промелькнула улыбка.

Она заметила:

– Я так странно выгляжу в костюме?

Он улыбнулся пошире:

– Я бы сказал – непривычно.

Она пожала плечами:

– Я ведь не должна ходить сюда в джинсах, так?

Он кивнул, улыбаясь.

– Что ты скажешь о моей записке?

Улыбка исчезла.

– Для начала – что коммерческое обоснование оставляет желать лучшего.

Она остановилась посреди комнаты, глядя на него:

– Там и не может быть никакого коммерческого обоснования. Если месторождение еще не найдено – какое может быть обоснование? Главное обоснование – это то, что происходит с ценами. Уже третий месяц они не падают ниже сорока долларов за барель. И сколько я знаю, ряд месторождений уже готовится к разработке. Что произойдет дальше, полагаю, понятно?

Он кивнул:

– Что это вызовет повышенный интерес к сланцам, и скоро все перспективные территории уже будут арендованы кем-то...

– А что – может быть по-другому?

– Если современные оценки верны – сланцевой нефти много. В самых разных местах.

Она отрицательно покрутила головой:

– Рентабельность добычи очень разная... Ты не хочешь в это инвестировать, так?

– Кроме меня, есть и другие крупные акционеры.

– Ты с ними говорил?

– Конечно.

– И что?

– Мы занимаемся платформами.

Она хмыкнула, повернулась и подошла к окну.

За окном с ярко-темного неба светило солнце, и у горизонта протянулась длинная узкая полоса облаков. Почти летних, подумала она. Очередная зима, кажется, кончилась...

– Неужели это для тебя неожиданность?

Она повернулась к нему:

– Да нет, не очень...

– Слушай, – сказал он, – я хочу воспользоваться случаем, и сказать тебе одну принципиально важную вещь.

Он на секунду замолчал, изучая ее лицо; явно разочарована, но – говорить все-таки можно; с ней всегда можно говорить, не смотря ни на какие эмоции; он постарался, чтобы она выросла умной девочкой.

Слишком умной и не слишком девочкой? Этот костюм... она в нем как школьница. И еще в нем что-то не то... сложно думать о двух вещах сразу, но он сообразит. Ладно, это потом.

– Так вот, эта самая вещь... Все ее знают. И тем не менее постоянно теряют из-за нее деньги... – он помедлил секунду, посмотрел в стол, чтобы отвлечься от мыслей о ее имидже; потом поднял на нее глаза, – бизнес – это приоритет денег. Абсолютный. Делается только то, что обеспечивает их максимальный рост в минимальное время. А есть еще игры в деньги. Их можно называть венчурными проектами, можно как-то еще, но это не бизнес в том смысле, что ничего нельзя гарантировать. Почему мафия торгует мерзкими убийственными наркотиками, а не экологичными и прогрессивными солнечными батареями? Потому что наркотики, в отличие от прогресса, нельзя не купить. Потому что потребность в них непреодолима. Почему мы занимаемся нефтью? Потому что нефть – это наркотик цивилизации. Настоящий бизнес – это продажа того, нужна в чем непреодолима. Только непреодолимость нужды дает гарантию продажи...

Он замолчал, улыбнулся – он умеет думать быстро, и умение это уводит иногда в сторону; она улыбнулась в ответ – она это помнила.

– Так вот... Мир переполнен лишними деньгами, а инвестиций с гарантированной прибылью не так уж и много. Поэтому всегда находятся те, кто вложат деньги в негарантированное. Но у нас есть определенный задел на будущее, запланированное развитие, которое будет прибыльно с высокой степенью вероятности. Мы сейчас на растущем рынке, мы знаем, как на нем работать и лишних денег у нас нет. Сделать еще ряд шельфовых скважин – это реальный план. Разведка на сланцы – это план с непонятным исходом. Не впаду в наивность напоминать тебе, сколько стоят шельфовые проекты, сколько за ними стоит людей... Можно ли ожидать, что они будут менять свои планы, которые расписаны на годы вперед, изыскивать еще деньги, разбираться в совершенно новом деле?

– Я написала примерную смету. Сланцы – это гроши по сравнению с платформами. По крайней мере на уровне разведки. Там почти все компании – мелочевка.

Он отрицательно покачал головой:

– Я не об этом. Я о подходе к делам... Когда тебе захотелось проверить свои предположения относительно того золотоносного слоя на Аляске, ты сказала, что это авантюра, но она

дешевая. Тридцать тысяч баксов. Можно устроить вечеринку по случаю дня рождения, можно сделать кучу дырок в аляскинской мерзлоте. Вечеринки ты не любишь. Отлично – на сэкономленные деньги можно поиграть во что-то другое. Сейчас ты хочешь двести тысяч. Двести тысяч стоит автомобиль, который ты могла бы попросить на тот же день рождения. Но ты его не прошишь, и на сэкономленные деньги можно сделать еще сколько-то дырок в Северной Дакоте. Но ты хочешь на этом зарабатывать, так ведь? Это не игрушка?

– Конечно, я хочу на этом зарабатывать!

– Тогда это бизнес. И ты должна обосновать как именно люди, которые в это вложатся, получают свою прибыль. Нужно точное время и точные деньги. Точные в той мере, в какой это реально для данных проектов, разумеется.

– Иногда получается по-другому. Джордж Митчел потратил на сланцевую нефть десять лет и несколько миллионов, а потом продал компанию за три миллиарда.

Он изобразил скептическую оценку:

– Мистер Митчел хотя бы разбирается в этом... Если я не ошибаюсь, ты морской геолог, так ведь? – она хотела возразить, но он поднял руку предупреждающим жестом, – подожди. Я знаю, что ты умеешь спорить часами. Давай я просто скажу то, что начал... Понятно, что разведка – это всегда авантюра. Но я не об этом. Я о том, что уже сейчас существуют сланцевые месторождения, разработка которых рентабельна. Или будет рентабельна совсем скоро, учитывая, как растут цены. И если ты скажешь: можно купить такое-то месторождение с такими-то оцененными запасами и таким-то бюджетом на освоение – вот это будет обоснование. Это будет похоже на бизнес. И тогда я тебе почти гарантирую, что найдутся люди, которые вложат не двести тысяч, а десятки миллионов. А я дам тебе кредит на то, чтобы ты купила себе во всем этом долю. И когда у тебя будет постоянный доход – сможешь потратить его на разведку, ничего ни с кем не согласовывая.

– Осталось найти того, кто продаст по разумной цене рентабельное месторождение.

Он развел руками:

– Возможность выгодно вкладывать деньги – это большая привилегия. Это, знаешь ли, примерно то же, что выйти на рынок наркотиков и отжать у кого-то долю себе! Получить такую возможность не просто. И часто она зависит не от того, насколько хорошо ты делаешь свою работу, потому что так же хорошо ее делает еще куча людей. Это зависит, например, от личных связей... от того, чтобы кого-то персонально заинтересовать... Ты согласна поработать над этим?

– Найти выгодную покупку?

– Да.

Она пожала плечами:

– Ну, если следовать предложенному подходу, выбора у меня нет. Мне нужны деньги, а дадут их только за рентабельное месторождение. Значит, надо искать готовое рентабельное месторождение.

– Я познакомлю тебя с человеком, который организует сбор нужной тебе информации. Его услуги я оплачу.

Она засмеялась:

– И я выйду на рынок наркотиков, и отожму себе долю!.. О-кей! Тогда – договорились?

Он улыбнулся в ответ, но коротко.

Ее костюм – он понял, что в нем не так.

– Договорились... подожди...

Она вопросительно посмотрела на него:

– Что?

Он секунду помедлил:

– Слушай... мне это кажется, или я постоянно вижу тебя в этом костюме?

– Постоянно. Зачем мне два костюма? Я редко его надеваю, он едва ли кому успел при-
мелькаться... Это... как-то не так?

Он усмехнулся:

– Это не важно, но... это замаскированный намек на твой имидж... скажем так – исклю-
чительно функциональный. Что в свою очередь является намеком на то, что я не знаю ни
одного молодого человека, с которым ты встречалась бы в последнее время...

– Такое бывает. Но я не назвала бы их молодыми людьми. Все они намного старше меня.

– Почему?

– Мне нравятся люди, которые что-то знают и чего-то достигли. А может, мне не нравятся
те, кто ничего не знает и ничего не достиг.

– Ты не обидишься если я скажу, что это похоже на подростковый максимализм?

– Нет, не обижусь. Это комплимент... Граф Антуан де Сент Экзюпери, – она улыбну-
лась делано-тонкой улыбкой, обыгрывая упоминание титула, который поклонники Экзюпери
обычно не знают, – сказал: секрет таланта – в сохранении молодости, секрет гениальности –
в сохранении детства... – потом улыбка исчезла, – что остается, когда проходит подростковый
максимализм? Общепринятые ритуалы, которые совершают от скуки и от страха быть не как
все? Имитация интереса к общепринятым темам? Люди перестают чувствовать. И жизнь кон-
чается. Если этого не было, потери не замечаешь. Если было... – она посмотрела на него, –
разве ты сам не чувствуешь этого?

– Чувствую.

– И чем ты компенсируешь это?

– Бизнесом и дорогими игрушками.

– Но не людьми?

Он пожал плечами:

– Люди редко бывают источником эмоций. Граф де Сент Экзюпери сказал бы, возможно,
что слишком многим из них было отказано в молодости.

Она помолчала, потом спросила:

– Тебя больше не беспокоит, что я не встречаюсь с так называемыми молодыми людьми?

Он отрицательно покачал головой:

– Нет. И я мог бы догадаться сам, учитывая, что никогда не делал разницы в воспитании
тебя и твоего старшего брата... Прямо сказать, я всегда был уверен, что мальчику женское
воспитание вредит, а девочек оно убивает. Но я всегда надеялся, что это не мешает тебе
вырасти... гм...

– Существом своего пола?

Он засмеялся:

– Да.

Она улыбнулась в ответ:

– Надеюсь, что не мешало... – потом улыбка исчезла, – но это очень мешает ошибаться
в людях. А неумение ошибаться в людях сильно мешает отношениям с ними...

Нью-Йорк, тремя днями позже

Хельга Ларсен подняла глаза от бумаги на сидящего по другую сторону стола человека.
На лице ее пребывала удивленная улыбка.

– Бывает же такое...

– Вы о чем?

Она ткнула пальцем в бумагу:

– «Only Lonely Skunks»! – она засмеялась, – это реально название геологоразведочной
компаний?

Человек по ту сторону стола подчеркнуто невозмутимо кивнул:

– Да. При том очень неплохой компании. Хотя ей всего несколько лет.

– Ее владелец – самоуверенный человек, должно быть.

Собеседник пожал плечами:

– Возможно. Известно, что он долго финансировал работы из прибылей других своих компаний, не нуждаясь в кредитах... наверное, это прибавляет самоуверенности. Теперь компания приносит прибыль...

– Интересно, кто он?

– Как ни странно – владелец интернет-магазинов. Потом почему-то решил заняться разведкой на сланцевую нефть.

– Геолог?

– Нет. Инженер; я не знаю точно его специальности. Живет в России, но часто бывает в Штатах – у него здесь несколько интернет-магазинов... Никогда не имел никакого отношения к нефти, пока не сделал этих самых «Only-Lonely...». Что, впрочем, не удивительно. Сланцы – любимое поприще любителей.

– Но вы сказали – очень неплохая компания.

– Ну да. Любители, знаете, за несколько лет вполне могут стать профессионалами. К тому же, он не жалел денег, и переманил некоторых очень стоящих специалистов... «Скунсы» попали в этот список потому, что именно они нашли месторождение Лэд Клауд в Дакоте. И владельцу «Онли-Лонли» принадлежат права на разработку этого месторождения. Сейчас оно нерентабельно, но если цены будут расти, как растут – ждать осталось недолго. Посмотрите список на второй станции. Там есть оцененные запасы и примерный уровень рентабельности.

Хельга посмотрела.

Усмехнулась, подняла глаза от бумаги:

– Неплохо... Сколько лет этому... э-э... мистеру Олегу Соболю?

Собеседник пожал плечами:

– Ну, мы не собирали такую информацию... Хотя, как понимаете, это несложно узнать.

– Узнайте. Вообще узнайте побольше... – она посмотрела на собеседника, – побольше.

Понимаете?

Тот кивнул:

– Только о нем?

– Пока да. Прямо сказать, я просто не вижу альтернативы Лэд Клауд. Все остальное, на что можно рассчитывать – или совсем мелочевка, или станет рентабельным через сто лет, или принадлежит целой куче людей, которые, к тому же, должны кучу денег... так что вообще не понятно, с кем там говорить... – она посмотрела куда-то, где было нечто, не видимое собеседнику, и снова усмехнулась, – «Only Lonely Skunks»! Это ж надо было придумать!

Чили, июль 2005: как попасть в свою ловушку

Пока лыжный подъемник вез его до верхней станции, господин Соболев смотрел на постепенно раскрывающуюся вокруг панораму Анд и размышлял о сущности денег.

Деньги – думал он – выполняют функции официальные и неофициальные. И есть среди неофициальных одна, которая если не важнее, то уж точно приятнее всех остальных. Эта функция денег – менять мир по усмотрению их обладателя.

Например, для большинства жителей Европы и Северной Америки зима давно кончилась. Подмосковные лыжные районы, как обычно, остановили подъемники тридцать первого марта. В Хибинах, что на Кольском полуострове, в Альпах – где повыше, кое-где в Сибири и Скандинавии каталка шла до начала мая. В Штатах она продолжалась до самого лета в окрест-

ностях Солт-Лейк-Сити; как-то один лыжник рассказал ему, что катался над Солтом на День независимости.

Но сейчас в Северном полушарии лето настало везде.

Правда, на высокогорных ледниках в Альпах зима или почти-что-зима длится почти постоянно, с небольшими перерывами. И кататься на лыжах там можно практически круглый год. Но альпийские ледники летом – это совсем не то, что Анды зимой. И если у вас есть деньги на то, чтобы летать из северного полушария в южное, зима для вас длится столько, сколько вы сами хотите. И, соответственно, лето тоже подчиняется не законам природы, а исключительно вашим желаниям.

Соболь еще в подмосковном дачном детстве знал, что приход лета сам по себе способен сделать его счастливым. Но когда он стал кататься на горных лыжах то заметил, что лыжи начинают интересовать его именно в середине лета, когда кажется, что лето длится почти вечно, и начинает хотеться чего-то другого. Именно тогда начинался для него новый лыжный сезон.

Он выбирал рейс, который прибывал в Сантьяго рано утром, брал такси и прямо из аэропорта отправлялся в Валле Невадо, большой лыжный район километрах в шестидесяти от Сантьяго. Надо сказать, что господин Соболь осознанно и пунктуально культивировал радиофобию, и старался не задерживаться на большой высоте, когда время приближалось к полудню и солнечная радиация заметно возрастала по сравнению с уровнем, привычным жителям равнин. Посему он катался часа два или три, а потом спускался в Сантьяго и ложился спать.

Так повторялось еще день или два, а потом ночным рейсом он улетал обратно – в Москву, в Сан-Франциско, где часто бывал по бизнес-делам, или куда-то еще. Поскольку господин Соболь был инвестором, а не наемным работником, он нередко мог предпринимать такие экскурсии не в выходные, а тогда, когда в горах над Сантьяго хорошая погода и хороший снег. И заодно, минимум лыжников на трассах.

Надо сказать, в Чили ему нравилось. По крайней мере, когда хотелось забыть о делах. Чилийцы олицетворяли релакс. Чилийское время текло неопределенно медленно; вся сущность жизни состояла в его плавном течении, не ускоренном никакими определенными целями. Маньяна, амиго!.. Да, отдыхалось тут хорошо. Он даже выучил испанский, и весьма бойко болтал на том, что используется в районе Сантьяго.

Ему так нравилось здесь, и так хотелось бывать летом в снежных горах, что у него появился план: купить где-нибудь недалеко от Сантьяго и лыж недорогую асиенду. Старую асиенду с каменными стенами, черепичной крышей, старинной мебелью... Может, и с виноградниками и, может быть, даже делать свое вино – Соболь был весьма неравнодушен к сухому вину... Но это, как и многое другое, Соболь оставил на неопределенное потом. На «маньяна». А пока просто снимал в Сантьяго квартиру – в доме с охраной и на высоком этаже, подальше от зимнего смога.

День был будний, и Соболю не составило труда одним взглядом охватить всех, кто находился на верхней станции подъемника. Он всегда рассматривал людей, который катаются на лыжах и досках. Во-первых, из интереса. А во-вторых, в любой стране лыжебордеры выглядели, как порода людей повышенной привлекательности. Он хорошо помнил, каким открытием стали для него первые поездки в горы – в Юте и в Северной Калифорнии. Куда исчезла вся жующая гамбургеры, неуклюже-неаккуратная публика! Как будто он попал в другую Америку... Впрочем, он никогда не забывал слова российского журналиста Владимира Познера, который немало пожил в Штатах. О том, что в этой стране есть два основных класса. Представители первого мало зарабатывают и не занимаются спортом, зато пьют пиво и смотрят телевизор. Представители второго пиво не пьют и телевизор не смотрят, но спортом занимаются и зарабатывают много...

Итак, всего несколько человек готовились съехать вниз от верхней станции подъемника, и Соболев сразу заметил леди на лыжах, в черных лыжных штанах и яркой желто-черно-зеленой куртке. Темные волосы. Рост немного выше среднего. Почти в обтяжку сидящие штаны позволяют предположить, что их хозяйке хочется скорее показать, чем скрыть то, что они почти обтягивают...

Она стояла возле подъемника, в одиночестве, и, похоже, осматривала склоны перед собой. Соболев поспешно потолкался палками и подрезал ее снизу. У него было не больше секунды для того, чтобы увидеть ее лицо – она не успела опустить на него пребывающие на шлеме очки. В следующую секунду Соболев не мог уже сказать, каковы были черты ее лица, но почувствовал, что оно ему чем-то понравилось.

Он остановился в стороне, не мешая другим, и подождал, пока она уедет. Отпустил метров на пятьдесят и поехал следом.

То, что он увидел, ему тоже понравилось.

Свежий утренний «вельвет» – снег в тонкую полоску, обработанный специальным трактором, ровный и гладкий – позволял ехать тем стилем, что повторяет спортивный, но лишен всякого излишнего напряжения. Человек делает красиво то, что ему делать легко. Леди двигалась легко и быстро; по всему было видно, что она просто отпускает себя в плавное, совершенно свободное от усилий скольжение, не преследующее иной цели, кроме удовольствия от процесса. О такой езде говорят иногда: лыжи везут лыжника; ее движения выглядели естественно, как ходьба или бег. Соболев заметил, что лыжи у нее совершенно современные, с широкими носками и узкой талией. И снег из-под них почти не летит – признак совершенно современной техники. Но вела она их узко, разводя только в крутых поворотах, и то исключительно по необходимости – совсем не по нынешней моде, весьма раздражающей Соболева своей искусственностью и некрасивостью. У нее была та классическая техника, что от современных лыж стала легче в исполнении, но не изменилась практически ни в чем. Начинаящие так не ездят. И, в частности, так не ездят те, кто приезжает в лыжные районы не ради каталки, а ради знакомства.

У нижней станции подъемника леди как была, так и осталась в одиночестве.

Тогда Соболев подъехал к ней.

– Буэнос диас!

И тут же понял – она не местная, хоть и темноволосяя. В том, как она повернулась к нему в ответ на его слова, чувствовалось удивление.

Он рассмеялся:

– Тогда так: доброе утро...

А вот на английскую речь она улыбнулась и подняла очки-маску, закрывавшие половину лица.

– Доброе утро, – сказала она не спеша, присматриваясь.

Несколько секунд они рассматривали друг друга.

Он смотрел и думал – нравится она мне? В первую секунду было все-таки непонятно. Сперва он понял только, что волосы у нее не такие темные, как показалось – верно, от яркого солнца и снега – а темно-русые, и они переливаются на этом солнце едва заметно, то темней, то светлей. Потом, словно проявляющийся негатив, из общего впечатления появился четкий очерк лица с высокими скулами, острым подбородком и широко поставленными глазами, совсем чуть-чуть курносый нос, правильные полноватые губы – не накаченные, судя по верхней – и немного веснушек. Непривычное лицо. Потому он и присматривался к нему несколько секунд.

А потом понял – он всю жизнь будет видеть его. Перед собой или в памяти, но всегда. Хоть и непривычное, оно было очень свое. Точно они с ней – существа одного вида, и лицо ее вызвало у него внезапное узнавание чего-то настоящего. Спокойное, а в глазах веселье,

словно у нее в генах прописано жить с таким настроением: три четверти покоя, четверть веселья. И очень надежное. Эти губы не искривляются в капризной гримаске. Ей, наверное, лет двадцать пять, но она совсем взрослая.

Он сказал:

– Когда я к вам подъехал, то придумал такую фразу для начала разговора: вы катаетесь очень рано и очень хорошо; такое случайно не бывает. Но теперь я просто скажу, что вы мне очень понравились и я хочу познакомиться с вами.

Немного слишком, пожалуй – но он хотел посмотреть, что она сделает. «Идя в потоке, видишь только спины, идя навстречу, видишь всех в лицо...»

Она улыбнулась, и взрослое лицо ее стало вдруг как у девочки-подростка, которая сама себе стесняется признаться, что такое знакомство может с ней приключиться. Умной девочки, привыкшей общаться со взрослыми, которой и в голову не придет дурачиться, но немного сбитой с толку. Она смутилась его словами, но не своим смущением. Кажется, она ожидала чего-то другого.

– Я давно катаюсь. Я выросла в Норвегии, там это довольно обычно.

– В Норвегии? – отчего-то это оказалось для него совершенно неожиданным.

Она засмеялась – и тоже как подросток, которая просто общается, а не флиртует:

– Иногда я говорю, откуда я и вижу во взгляде – надо же, как досадно! а почему она не блондинка?.. Зато я довольно высокая по нашим меркам. Наверное, у меня есть какие-то ненорвежские гены в роду. Норвегия ведь когда-то была завоевана датчанами... Да мало ли каких женщин могли привозить мои далекие предки из своих транснациональных грабительских экскурсий!

Соболь улыбнулся – сам собой, от ее смеха:

– Да, вы явно повыше тамошнего среднего роста... И я знаю, что в Норвегии не все блондинки.

Потом убрал улыбку и сказал, глядя ей в глаза:

– Мне темные нравятся. Они кажутся взрослей и надежней.

Она заметила эту серьезность, этот прямой взгляд, и тоже стала серьезной. Чуть помедлила, точно прикидывая – а что ответить? Что у них, взрослых, принято в таких случаях отвечать?

– Да, не все... Вы бывали в Норвегии?

Он кивнул:

– Бывал. И не раз.

– Что вы там делали?

– Катался на лыжах.

– Только катались на лыжах, и все? Специально для этого ехали? – теперь она уже ничего не стеснялась; губы улыбались синхронно с поблескивающими глазами; про неожиданное знакомство мы уже забыли, подумал он и едва удержался – так захотелось притянуть ее за плечи и поцеловать.

Он сказал:

– Мне нравится, что там все просто, но при этом выглядит естественно, а не бедно. В большинстве стран простое обычно отдает бедностью... А вообще я много куда ездил специально для того, чтобы покататься, хотя каталка там совершенно обычная. Я любопытный... Но еще я с интересом посмотрел на местную архитектуру... – он отдавал ей мячик, подтверждая это едва заметной улыбкой.

Она приняла и отправила обратно:

– ...Которая вполне под стать местной каталке... Это не шутка?

Она снова стала совершенно взрослой, озадаченность исчезла и она стала больше собой, сразу освободилась от всего, что ее тормозило – надо было только отъехать подальше от темы знакомства, подумал он.

Он отрицательно pokrutil головой:

– Нет. Она простая и стильная. Смотришь на нее и думаешь, что люди живут не ради того, чтобы производить впечатление друг на друга. Это приятно...

Она усмехнулась – и что-то не слишком хорошее промелькнуло в этой усмешке:

– У этого есть обратная сторона – не принято хотеть больше, чем имеют соседи... А эта сторона тянет за собой много других, совсем уже нежелательных. Поэтому я там не живу. И мои дети появятся на свет в другом месте, и до совершеннолетия не ступят на землю предков, что бы ни произошло.

Она замолчала, глядя в сторону, точно вспоминая что-то.

Потом снова посмотрела на Соболя:

– Это сложная тема. Не стоит обсуждать ее на ходу.

Секунду он пытался понять, нет ли в ее последней фразе особого смысла, а потом сказал:

– Вы планируете устроить перерыв в каталке?

Она улыбнулась:

– Хотите использовать его для обсуждения тем, которые не слишком удобно обсуждать на ходу?

Он кивнул с серьезным видом:

– Да.

– Тогда приходите часа через два в ..., – она назвала одно из кафе возле нижней станции подъемника, – и если придете раньше – займите мне место. Хотя... – она демонстративно осмотрелась вокруг, на обширное пространство, на котором терялись немногочисленные люди, – это скорее просьба выходного дня... И кстати – вы не спросили, как меня зовут. Меня зовут Хельга...

Да, не спросил. Забыл. Засмотрелся. А она, похоже, не придавала никакого значения тому, что он перестал замечать все, кроме нее. Нужна – думал он – какая-то особая наивность совершенно уверенного в себе человека, чтобы не придавать значения его неотрываемому взгляду, жадно впитывающему свет, отраженный ее лицом. Может она так правдоподобно играть? Он тут же понял, что это совсем не важно ему. Это было, как ответ одного из двух альпинистов, впервые взошедших на Эверест, на вопрос – для чего вы пошли в эту гору? *Because she is*, сказал он. Соболя смотрел на ее лицо; *really, only...*

– Меня зовут Олег, – сказал он; улыбаться он не стал.

– Олег, – сказала она не спеша, обдумывая, отведя взгляд, – никогда не слышала такого имени, но какие-то непонятные ассоциации оно у меня вызывает.

– Русское. Я из России.

– Живете там?

– Да – где-то по полгода в году. Много езжу. Много разных дел в разных местах.

Она кивнула:

– Да, мне это понятно. Я тоже отношусь к людям, про которых можно сказать, что у них разные дела в разных местах...

В кафе было пустовато, и он сразу увидел ее.

Она сидела в дальнем углу, в одиночестве; кафешка была из тех, куда приходят в куртках и с лыжами. Но все-таки в нем было тепло, и она сидела в ярко-зеленой «флиске», а ее куртка висела на спинке рядом стоящего стула. Прямые, до середины спины, волосы собраны в «хвост» какой-то малозаметной резинкой. Судя по всему, она не причесывалась, когда пришла сюда – что сохранилось под шлемом от утреннего прихорашивания, то и ладно. Весь ее

имидж полностью соответствовал месту и обстоятельствам. Часы на руке, темные, массивные, он не мог рассмотреть издали. Но по всему ее облику ему показалось, что это тоже вовсе не стиль. Они настоящие, из тех, что не разбиваются и действительно не промокают, и показывают не только время, но и всякие вещи вроде высоты над уровнем моря или частоты пульса.

Он хотел сразу подойти к ней, но ему показалось интересным, что и как она делает.

Она сидела вполборота к нему и была совершенно поглощена тем, что видела на экране стоящего перед ней ноутбука. Она не обращала ни на кого внимания и за все время, пока Соболь наблюдал за ней, ни разу не отвлеклась от своей деятельности.

Что же именно она делала?

О, это было очень занятно. Она не читала и не набирала текст, а просто смотрела на что-то, что было на экране, и думала. Именно думала; это было написано на ее лице совершенно определенно. Думала она легко и естественно, это происходило само собой, без какого-то понукания себя, возвращения внимания к размышлению – нет, оно ничем не прерывалось. И все-таки это не было размышлением взрослого мужчины, превращающим его в тяжеловесно-неподвижную статую. Это было размышление молодой девушки, которая привносила в него немало эмоций и непосредственности. Она то и дело меняла позу, касалась рукой подбородка и губ, пробегала пальцами по столу... Казалось, она молча беседовала сама с собой – а может, и с кем-то еще. И когда она с почти мечтательным выражением, глядя на экран, поймала и стала накручивать на палец выбившиеся из «хвоста» волосы, Соболь почувствовал внезапное, на удивление сильное желание поскорее приблизиться к ней.

Он подошел; она заметила, чуть улыбнулась; он сел напротив нее.

– Я несколько минут наблюдал за вами, – сказал он, – впечатление было такое, что вы увлеченно что-то обдумываете.

Он ожидал, что она ответит – скорее всего, не особо конкретно – но она просто повернула к нему ноутбук. На экране было нечто разноцветно-непонятное.

– Что это?

– Снимок, сделанный с самолета, – сказала она.

– Снимок с самолета? – он был удивлен, потому что на первый взгляд картинка совершенно не походила на что-то такое, что могло бы быть на земле.

Действительно, странно! Как человек, который так много смотрел на землю не только из аэробуса, но и из низко летящего маленького самолетика, мог не понять изображения на аэрофотоснимке?

– Да. Посмотрите внимательно.

Он посмотрел внимательно.

Ах, вот оно что...

Его сбивала с толку эта противоестественная расцветка. Это действительно вид с высоты. Вот эта извилистая полоса похожа на реку. Невозможно придумать что-то другое, что выглядело бы так... Вот полоса расширяется, а потом сужается снова. Но почему река такая разноцветная?

– Эта река – там рядом завод, на котором делают краску?

Она улыбнулась, но тот час же стала серьезной. Улыбнулась в ответ на шутку, но на самом деле здесь было что-то важное для нее, и она призывала его воспринять происходящее именно так. Соболь тотчас понял это по ее взгляду; когда она перестала улыбаться, он готов был слушать серьезные вещи.

– Эта река чистая, как бриллиант... Снимок не обычный, и он специально обработан, чтобы хорошо показывать... – она подняла на него глаза от экрана, – что могут означать разные цвета?

Соболь задумался. Какие-то характеристики реки и того, что вокруг. Не загрязнение – река чистая. Естественный химический состав, какие-нибудь микроэлементы, минералы? Что

еще? Какие характеристики могут быть и у реки, и у ее берегов, которые тоже разноцветные? Что есть у воды, какие свойства? Плотность почти одинаковая, и она зависит от растворенной соли, а река пресная. Скорость течения? Но берега не текут, а цвета похожие. Температура? Возможно – она есть у всего. Что еще? Воздух надо всем этим? Воздух едва ли имеет такие четкие границы, как река. Что-то живое, микроорганизмы? А как сфотографировать их с самолета? А химию как сфотографировать? Это температура; он даже может сказать, что именно подтверждает это предположение...

– Вода холоднее, когда течет. А когда стоит, она нагревается. Чем ярче цвет, тем теплее вода.

Оторвался от экрана и встретился с ней взглядом; во взгляде ее был интерес.

– Правильно. А теперь смотрите здесь.

Движение пальца, новая картинка. Очень похоже, но место другое. И тоже ярче там, где воды больше.

– Или вот здесь...

А здесь по-другому – вода разливается, но температура почти не растет.

– Понимаете?

– Кажется, да. Вы хотите понять, почему она то теплая, то холодная.

– Это я понимаю. Она теплая там, где болото, очень мелко, вода почти не течет. В других местах река просто становится шире весной, когда воды много, но эта вода течет быстро и не успевает нагреться. Вопрос другой. Как понять по снимку, растапливает ли вода своим теплом вечную мерзлоту... знаете, что это такое?

– Знаю.

– Так вот, вечная мерзлота... Это легко узнать, если оказаться на земле. Но таких мест очень много. Везде садиться на землю – долго и дорого. Снимки сделать дешевле. Надо понять по снимкам, есть мерзлота или нет. Возможно – по определенной температуре и площади воды, потому что это дает энергию, которую вода передает земле... Понимаете?

Соболь кивнул:

– Кажется, да... А раньше кто-нибудь решал такую задачу?

Она развела руками:

– Может быть, я не знаю. Придумала совсем недавно... И еще я хочу сначала сама подумать, а потом посмотрю, что сделали другие. Так интереснее.

– Зачем вам это знать, если не секрет?

Она внимательно посмотрела на него – сложно было понять, отчего – и сказала:

– Золото.

– Золото?

– Да. Эти снимки сделаны на Аляске. Прошлым летом я там работала. Меня интересовали... гм... кое-какие предположения относительно одного места, где оно могло быть... Вы не геолог случайно?

– Нет. Я знаю кое-что о добыче нефти, но никогда не интересовался золотом.

Ему показалось, что в долю секунды в ее взгляде промелькнула нерешительность.

Может, она соображала, как рассказать то, что она хотела человеку, который кое-что знает о нефти, и ничего не знает о золоте? Или ее заинтриговало, что и для чего он знает о нефти, но она не уверена, что уместно спросить?

– Тогда смотрите... Золото находится в песке, – она провела в воздухе рукой с расставленными большим и указательным пальцами, обозначая некий горизонтальный слой, – а над песком еще метр, два или три какого-то грунта. Этот грунт... э-э... там мерзлота. Он очень прочный. Нужен тяжелый бульдозер... трактор, понимаете?

Соболь молча кивнул.

– Если нет дорог, привезти большой трактор очень дорого, только вертолет. Но там, где есть дороги, давно нет золота. А вернее, его так мало, что не выгодно добывать. Если нет мерзлоты – легкая техника, дешево привезти, выгодно добывать. Надо разработать метод, как искать места без мерзлоты. Быстро осматривать очень большие территории. Может быть, я где-то ошибаюсь, и вся эта идея неверная. Например, мало таких мест, искать долго и дорого – а значит, не выгодно.

– Почему вас это интересует? Вы занимаетесь этим профессионально?

Она отрицательно покрутила головой:

– Не совсем. Я геолог по образованию, но сейчас, честно говоря, просто живу на деньги родителей. Но у меня было одно предположение насчет того места на Аляске, и я выпросила у родителей немного денег и прошлым летом просадила их почем зря. Золота было мало, а мерзлоты – много. Нерентабельно... А недавно подумала – а можно определять с воздуха, где нет мерзлоты? – она сделала короткую паузу, отведя взгляд, словно подумала о чем-то, потом посмотрела на него и улыбнулась, – но у меня появляется ощущение, что я подсознательно хочу заставить вас думать о моих делах...

Он рассмеялся:

– Да ладно вам. Назовите три самые интересные темы, на которые вам сейчас хотелось бы думать.

Она вопросительно посмотрела на него:

– Почему думать, а не говорить?

– Потому что говорить принято на определенные темы. И у меня иногда возникает ощущение, что эти темы очень слабо интересуют тех, кто о них говорит.

Она усмехнулась:

– Что же... Первую тему я уже изложила. Но золотом вы не занимаетесь. Вторая: откуда этот человек берет деньги? Но спрашивать об этом не принято. Третья: что вообще кроме денег его интересует? Но девяносто процентов людей, которых я знаю, интересуются или одним и тем же, или ничем. Мы можем как-то использовать это?

Соболь с серьезным видом кивнул:

– Да, можем... Я не интересуюсь золотом и едва ли заинтересуюсь, но мне будет интересно узнать, как вы организовали работу на Аляске, потому что я сам организую похожие вещи... Хотя... я вас обманул. Я занимался золотом. Несколько лет назад я с большим энтузиазмом мыл золото в Северной Калифорнии.

Ее лицо так и вспыхнуло удивленной улыбкой:

– А вы не опоздали лет так на сто пятьдесят? Почему именно там?

Он сказал, едва сдерживая свою улыбку:

– Потому, что я там часто бываю... потом, что мне нравится там... – он все-таки улыбнулся, – нет, я понимаю, что это похоже на анекдот о человеке, который потерял часы в кустах, а ищет под фонарем, где светлей. Но мне хотелось почувствовать себя одним из тех, кто возился там с золотом именно сто пятьдесят лет назад, когда оно было. Потому что со мной произошло то же самое, что с этими людьми. Потому что с раннего детства я знаю много историй – или легенд – о том, как люди приезжали в какое-то дикое, далекое место и добывали там желаемое. И они занимались реальным делом, не фантиками спекулировали! Я приехал в Америку, чтобы заниматься околокомпьютерным бизнесом, потому что тогда это было, как золотая лихорадка – новый рынок, на котором еще не все поделено. Не только ради денег. Ради денег мне следовало не выезжать из России ни на один день, потому что там тогда тоже были новые рынки, а у меня были бизнесы на этих рынках, и они приносили верные деньги. Но... – он чуть улыбнулся, постаравшись изобразить снисходительность к своим словам, и развел руками, – детские мечты о далеких краях оказались слишком сильны... Я вырос с этими мечтами. И я не возьмусь сказать, что в них было важнее, в этих мечтах – деньги или возможность видеть

мир. В детстве я собирал этот мир по крупинкам – по картинкам, по строчкам из описаний... А потом оказалось, что все в нем мне доступно. Это было... это было каким-то непрерывным восхитительным стрессом, и с тех пор он длится в хронической форме, и я так и живу в нем...

Он радостно засмеялся, глядя в ее неотрывающиеся внимательные глаза. Она несколько раз кивнула, словно подчеркивая понимание, но не улыбнулась – поняла, что он смеется не от иронии, а от восторга, что это серьезно. Потом сказала:

– Ваши мечты сбылись?

Он кивнул:

– Да. И не только про деньги.

– А про что еще?

Он пожал плечами:

– Сам толком не знаю. Эти мечты... это же не план, не расчет... не вещь... Это ощущение... – он замолчал, непроизвольно отведя глаза в сторону, вспоминая; потом снова посмотрел на нее, – я вот что вспомнил сейчас. Я как-то приехал в Калифорнию, чтобы разобраться с проектом, который финансировал, и понял, что все вложенные в него деньги просто потеряны зря. Но был момент... на одном перевале в Сьерра-Невада, в горах между Невадой и Калифорнией... я стоял там, и смотрел на восток. И вдруг подумал – да ведь передо мной лежит вся эта земля. До самой Атлантики! Я как будто видел ее всю сразу. И чего только в ней ни было... Осень стояла, теплый, солнечный такой день... пахло сухой травой и соснами... И вдруг я понял, что доехал до своей детской мечты. И все это пространство передо мной до самой Атлантики... Так много всего... Никаких денег не было тогда у меня в голове. Я помнил, что проект провалился. Но ничего не чувствовал по этому поводу. Чувствовал только, что добрался до своей детской мечты... Не до Штатов. Штаты оказались обычной страной, с кучей надоедливых проблем, какие всегда и везде есть у людей. Нет! Добрался до большого, открытого мира. Я ведь о том и мечтал в детстве, чтобы жить в этом самом мире, большом и открытом...

Он замолчал, и она несколько секунд молчала тоже. Смотрела на него внимательно, без тени улыбки, и он заметил, что она как-то раскраснелась, точно с мороза – а ведь сегодня было вовсе не холодно.

Потом спросила:

– А что теперь? И что дальше?

– И теперь, и дальше – просто жить. Делать то, что нравится, но главное – просто чувствовать, что живешь. Я ведь, собственно, о том и мечтал – чтобы начать жить. Потому что я очень рано понял, что существовать и жить – не одно и то же. И первое всем нам дается даром, а вот второе – с трудом.

Несколько секунд она снова смотрела на него молча – судя по всему, она не ожидала такого поворота разговора.

Потом сказала:

– А я в Нью-Йорке живу. Мои родители переехали туда из-за бизнеса.

И замолчала, глядя на него.

– Вам там нравится?

Она чуть пожала плечами:

– Знаете, бывают места, которые и нравятся и не нравятся одновременно. Например, мне очень нравится то место в Норвегии, где у нас уже несколько столетий земля. Наш старый дом, который ненамного моложе... И мне даже нравится кататься там на лыжах. Может, просто потому, что это самое первое, это детство, а я очень довольна своим детством? Но вот жить там я не хочу. И не только потому, что мне не нравятся некоторые тамошние порядки... Это совсем маленькое место. Оно как бы замкнуто на себя. Как бы вне мира. Мне нравится, что оно где-то есть. Нравится иногда скучать по нему. Нравится вспоминать. Нравится встречаться с ним иногда. Но я знаю, что мое место не там... Нью-Йорк – что-то вроде антитезы этому

месту. И хотя я не люблю надолго в нем оставаться, это – фантастический город. Иногда в нем чувствуешь совершенно особенную энергетику... хочется что-то делать, хочется быть... Он как будто говорит тебе: действуй, потому что здесь сбываются мечты. И еще говорит: если ты меня поняла – ты будешь ко мне возвращаться... Вы хорошо его знаете?

Соболь отрицательно покачал головой:

– Нет. Я почти десять лет летаю через него, а ночевал в нем всего несколько раз. Для меня этот город – ворота. Он хорош тем, что за ним ощущается очень многое.

Она почти повторила его жест:

– Не только. Он и сам по себе хорош... Он – как метеорит, который упал на Землю, и принес какую-то другую цивилизацию. Сам он давно постарел и можно, наверное, убеждать туристов, что «Крайслер Билдинг» построили люди с «Мейфлауэра». Но весь мир заполнен его клонами...

– Именно «Крайслер», не «Эмпайр»?

– Да, именно. Для меня «Эмпайр» – это просто высокий дом. А «Крайслер» – памятник арт-деко... И название у «Эмпайра» совершенно безлико. А Крайслер – это реальный человек. И он делал реальные вещи. И полезные. Его автомобили разъезжались по всей стране... Делал что-то осязаемое. Не просто безликие деньги, которые сперва были монетками, потом бумажками, потом ничем, но никогда не были тем, что хочется ассоциировать с собой. О чем хочется сказать: это сделал я!.. А во-вторых... Вы были внутри «Крайслера»?

– Нет.

– Зайдите. Там есть фрески на стенах. Прямо в фойе. Оригинальные, времен постройки. Они изображают цивилизацию, которая должна вам понравиться. Которая не только спекулировала фантиками. Индустриальную. Ту, где люди занимаются настоящим делом. Вернее, легенду об этой цивилизации. Но ведь фрески на стенах никогда не изображают реальность точно, они и не должны этого делать. Они должны создавать легенды, так ведь?

Соболь кивнул:

– Да. А легенды создают идеал, и через него – будущее. И еще...

Он замолчал – совершенно новая для него мысль пришла ему в голову.

– Что? – спросила она.

Он сказал:

– Еще про Нью-Йорк... Я вдруг подумал... Подумал, что приехал туда году в двадцатом, и у меня нет ни денег, ни образования, которое можно в них превратить. Я могу жить и работать только в самом низу. По крайней мере – пока. Будет мне хорошо в этом городе? Логичный ответ – нет. Но мне показалось, что – да. Потому что я буду жить рядом с тем, что развивается и что круто. Что огромно. Что красиво... Что делают реальные люди по образу и подобию своей мечты... Представил, как иду утром мимо площадки, на которой поднимается в небо строящийся небоскреб, а у меня только сэндвич на обед, и это почти все, что я могу сейчас получить. Но я все равно почувствовал, что счастлив.

Она сказала:

– Утро солнечное, апрель.

Он засмеялся:

– Да, точно!..

Она кивнула серьезно:

– В этом городе много солнца. Хотя он такой холодный зимой, штормы иногда приходят с холодного океана... Но очень солнечный. По крайней мере так кажется, если приехать в него оттуда, где солнца мало. За солнце прощаешь многое...

Она замолчала; он смотрел на нее и все медлил с продолжением разговора; ему отчего-то казалось, что они говорят и так, молча; что слова им не очень нужны.

И вдруг понял, что видит перед собой, на расстоянии вытянутой руки, настоящее чудо. Он давно думал о таком, искал, присматривался – но никогда не встречал.

Ее лицо словно светилось изнутри тем излучением, что создает только живая, сильная, гибкая и быстрая, подлинно человеческая душа. Душа, которой доступны любые чувства. Которой доступно реагировать на окружающее непосредственно, а не с помощью стандартных выражений, да и то не почувствованных, а выученных и повторяемых, потому что так принято у других. При всей своей сложности такая душа прозрачна до основания потому что – если ее обладатель вам доверяет – она не считает нужным что-то играть и скрывать. Соболев смотрел на ее лицо и чувствовал, что оказался в другом мире, где другие люди живут другую жизнь. В мире который, быть может, сменит нынешний на Земле. И в то же время существует уже сейчас – просто почти никто не чувствует и не видит его. И его людей можно встретить – просто их мало, да и мало кто может понять, кто они на самом деле...

Она сказала:

– Мне скоро улетать. Я, собственно, совсем ненадолго приехала. Мне пора. Вы уж меня извините...

Она смотрела на него, и в лице ее показалось ему ожидание.

Он сказал:

– Я хочу еще с вами встретиться. Я могу приехать в Нью-Йорк, это надо только согласовать – например, за неделю.

Она отвела взгляд, чуть качнула головой:

– Я подумаю... – она снова посмотрела на него, – я имею в виду – подумаю, где лучше встретиться... А куда еще вам удобно приехать?

– Да в сущности, куда угодно.

– Хорошо... Я что-нибудь придумаю, и вам позвоню... в какое время лучше? Ну, чтобы не звонить посреди ночи... посреди ночи – там, где вы будете...

– Если позвоните в течение двух недель – или Москва, или Сан-Франциско. Потом – или там же, или Северная Дакота, или Альберта – это Канада. Или здесь – возможно, приеду на день или два. Так что выбрать удобное время едва ли получится. Звоните в любое.

Она кивнула:

– Я позвоню. Скажите номер.

Он продиктовал два – спутниковый и сотовый. Она записала.

Поднялась, пощелкала клавишами на ноутбуке, закрыла его и сунула в стоящий на стуле рюкзак:

– Меня такси ждет. Я вызвала, оно уже подъехало... Не провожайте – вам придется переобуться, а я уже это сделала.

Он и не заметил, что она сидела не в лыжных ботинках а в обычных, для трекинга.

Он улыбнулся ей:

– Хорошо. Вы еще не опаздываете?

– Нет.

– Тогда пусть водитель не спешит на серпантине. Тачки, используемые здесь в качестве такси, не внушают твердой уверенности в завтрашнем дне.

Она засмеялась:

– Хорошо...

Ее стоящие у стены лыжи тотчас оказались в извлеченном из рюкзака чехле. Она надела рюкзак, подвигала плечами, пристраивая его поудобнее – что-то непосредственно-детское было в этом движении – подхватила чехол с лыжами и повернулась к Соболеву:

– Удачи вам. Хорошо покататься!

– А вам удачно доехать!.. Будете проходить мимо быка на Уолл-стрит – передавайте мои лучшие пожелания!

Она засмеялась, несколько раз кивнула, повернулась и пошла к выходу; ее походка была походкой человека, привыкшего ждать хорошего от следующего шага.

Он смотрел как она идет и чувствовал, что происходит что-то не очень реальное.

Москва, 1987 – 1992: ... что и требовалось доказать

Олег Соболев закончил школу в 1987 году.

Минувший год он старательно наблюдал за обстановкой – что получится из той речи Горбачева, которая побудила его прочитать дедовское письмо. Признаков принципиальных перемен пока не было. Поэтому Соболев работал над давно согласованным с родней планом – поступить в Московское высшее техническое училище, весьма знаменитый в соответствующих кругах «бауманский», и готовиться к продолжению семейных профессиональных традиций. В текущей ситуации это был самый разумный вариант. И не только разумный. Имея перед глазами успехи предков, Соболев, в отличие от многих, очень уважал инженерский труд.

Два последних школьных года он очень много работал. И хотя он учился в спецшколе с физмат-уклоном, поступить в «бауманский» было непросто в любом случае. Десятый класс оказался сплошным марафоном. После школы Соболев обычно ехал или на специальные курсы для поступающих, или к репетиторам, знающим требования именно данного института, и готовящих абитуриентов прицельно.

Финишная прямая этого марафона состоялась уже после школы. Крайний перед вступительными экзаменами месяц Соболев провел по квартирам репетиторов по двум основным предметам – математике и физике. Оба репетитора работали по одинаковой технологии. В квартире собирались с десятков абитуриентов, и решали задачи. Репетитор ходил от одного к другому, отвечал на вопросы и проверял решения. Занятия – а лучше сказать тренировки – шли у него по шесть-семь часов в день. Чайникам там было не место – шла только шлифовка уже имеющихся навыков.

Зато когда Соболев пришел на письменный экзамен по математике и посмотрел свой билет, он был удивлен простотой того, что ему предлагалось сделать. Хотя он понимал, что объективно это вовсе не просто! Он написал решения, почти не задумываясь. Больше времени ушло на то, чтобы сто раз все проверить – очень уж подозрительной казалась эта простота. Но нет – все было верно. Просто человек, который готовил его, делал свою работу честно. Он брал деньги за то, что абитуриент сдаст его предмет наилучшим образом. Для того, чтобы гарантировать это, он завышал уровень сложности; на это и уходило по шесть часов в день.

Этот пример Соболев запомнил – есть вещи, которые сделать трудно, но надо сделать обязательно, и на них нельзя жалеть сил.

Еще он понял, что перед ним первый пример частного предпринимательства. Репетиторов – естественно, совершенно нелегальных – в Союзе было много. Так как они не могли рекламировать свои услуги, их выбирали по рекомендации. Если абитуриент сдавал предмет хорошо, его родители рассказывали об этом репетиторе знакомым, и поток клиентов не иссякал. Потому одни репетиторы сидели без заработка, а у других было десять человек сразу.

Третий вывод состоял в том, что за высокий уровень надо платить.

Впервые в жизни Соболев почувствовал, что значит одержать победу безоговорочную, быть в безусловной элите. Что это было за восхитительное ощущение! Он навсегда запомнил, как вскоре после зачисления в институт посетил свою школу, чтобы взять какие-то бумаги – ему показалось что школа стала меньше, что он вырос над ней...

И была еще одна победа тем летом – совсем маленькая по сравнению с работой, которую он выбрал, как казалось тогда, на всю жизнь. Но такая, которая не меньше, чем работа, может определить – какой эта жизнь будет.

Состоялась она на даче, куда Соболев отправился после экзаменов, в августе, и началась со знакомства.

Мисс Август была не местная; она приехала на каникулы к своей институтской подружке-однокурснице: обе были постарше Соболя лет на пять.

Впервые Соболю увидел Мисс Август в обществе подружки жарким днем в самом начале месяца, на улице возле своего участка. Он подходил к калитке, а они шли навстречу, и Соболю увидел их издали. По такому случаю он притормозил и сделал вид, что старательно рассматривает растущий на углу его участка куст черноплодки, проверяя, нет ли на нем спелых ягод – он хотел встретиться с подружками на улице, а не рассматривать их через забор.

Леди меж тем приближались. По случаю жаркого дня на Мисс Август были короткие шорты и майка. Шорты демонстрировали весьма привлекательные ноги. Лицо Мисс Август не отличалось особой эффектностью, но выглядело вовсе не просто; казалось, его обладательница умеет включать мозги, и ей естественно требовать этого от партнеров.

Но самое глубокое впечатление произвели на Соболя ее длинные, очень чистые, хорошо расчесанные светлые волосы. Отнюдь не блондинистостью – он уже тогда предпочитал темных. Кроме того, он сразу подумал, что волосы у Мисс Август крашенные, потому что такой цвет встречается очень редко, и волосы были слишком хорошими для него – все школьные блондинки, которые явно не красились, уступали качеством волос школьным шатенкам-брюнеткам. Так вот – вовсе не цвет столь приятно его удивил, а сам стиль. Стиль «просто хорошие волосы». Где-то посередине спины их ровно обрезали – вот и все. Ну, и не забывали расчесывать. Соболю сразу узнал этот стиль – простота качества, простота уровня, простота идеала.

Подружки подошли, наконец, к черноплодному кусту, и – вот совпадение – к этому моменту Соболю как раз признал, что черноплодка еще не созрела.

Он повернулся к ним и улыбнулся:

– Добрый день, леди...

Мисс Подружка тоже улыбнулась. Мужская интуиция, тогда еще едва просыпающаяся, тотчас подсказала Соболю, что это не просто улыбка, что Мисс Подружка имеет что-то в виду. Он сразу припомнил, что на тех тусовках дачной компании, которые он смог посетить между экзаменами, она пару раз заговаривала с ним о чем-то ни о чем. Мисс Подружка было в целом ничего, но и ничего такого, что привлекало бы Соболя, в ней не было, и эти разговоры он сразу забыл.

Позднее он думал, что, вероятно, отражение красивой победы на экзаменах в тот момент все еще не пропало в его облике. А кроме того, ему очень нужна была пятерка по физкультуре в аттестат – для получения высокого общего балла, который давал преимущество при поступлении в институт. С начала девятого класса он стал регулярно тренироваться с гантелями и бегал – по дороге в школу и из нее, всякими задворкам, подальше от выхлопных газов. Он даже не поленился прикрутить к стене своей комнаты перекладину.

Два года физкультурных приключений изменили его так, что он сам этому удивлялся. На прессе, руках и плечах появились мускулы. И двигаться он стал как-то естественнее и легче – он очень следил за тем, чтобы не закрепощаться, чтобы растягиваться и делать побольше широких, свободных движений. Себя-прежнего, тощего угловатого подростка, он всегда немного стеснялся; ему казалось как-то даже нечестно предлагать девушкам такой неказистый товар. Собой-нынешним он гордился. И не только результатом, но и процессом, на который не у каждого хватает настойчивости, и который сам по себе уже немаленький результат. И хотя тогда он не думал об этом, но эту его гордость собой с элементами самолюбования замечали, наверное, все леди, что попадались ему на пути. Мало кто относится к себе хорошо, и еще реже – заслуженно; женщины такое обычно не проускают.

Он перекинулся с Мисс Подружкой несколькими ничего не значащими словами.

Мисс Август молчала.

Но Соболю успел уловить, что она внимательно, в несколько секунд, посмотрела на него. И в этом молчаливом взгляде, задержавшемся на его лице, Соболю почувствовал оценку. Ничто

не свидетельствовало о том, что она была высокой. Но что-то подсказывало Соболю, что на совсем неинтересные вещи женщины смотрят не так.

На том пока все и кончилось.

Но в следующий же момент, с немалым удивлением, впервые в жизни Соболю почувствовал вот что: он должен получить Мисс Август во что бы то ни стало.

После двух лет весьма интенсивной работы Соболю хотел прожить этот месяц, не делая ровно ничего. Но в тот момент жажда деятельности вернулась к нему.

Он сел на велосипед и почти три часа объезжал аптеки в близлежащих поселках, пока не купил дефицитные презервативы. Он не поленился вымыться в душе – благо, солнце успело нагреть воду в баке, служившим источником горячей воды. Он внимательно осмотрел и даже обнюхал свою старую ватную телогрейку – большинство его дачных друзей надевали такие на ночные посиделки, потому что по ночам было прохладно, и еще на телогрейках удобно было сидеть и лежать. Он нашел чистую рубашку и чистые плавки.

Отчего именно плавки? Он помнил, что время от времени в компании появлялась идея искупаться ночью в близлежащем озере, пока ночи еще не слишком холодные и не остыла вода. Но раз за разом, начав бухать, эту идею попросту забывали. А ведь ее можно использовать – особенно, если все остальные опять не соберутся!

Стало темнеть, и налаженный механизм субботней пьянки закрутился с точностью хороших часов. Все элементы были традиционны, и сбоев не давали. Компания постепенно собралась в лесу, у костра, и шоу началось. Пока оно не зашло слишком далеко, Соболю во всеуслышанье напомнил, что они собирались пойти купаться, и момент хороший – дни стояли жаркие, вода не остыла. Идею восприняли с энтузиазмом, и стали разливать. В последствие за нее даже выпили. Но, чем дальше шел процесс, тем ясней становилось, что опять никто никуда не пойдет.

Мисс Август держалась возле Мисс Подружки. Похоже, ее не слишком смущало то, что она никого здесь не знает. Она пила символически, вежливо улыбалась тому, что вызвали приступы уже нетрезвого смеха и наблюдала за всем происходящим, не отстраняясь явно, но и не стараясь участвовать. Кое-кто из чуваков несколько раз посмотрел в ее сторону, но потом всеобщее веселье поглотило и их. Магнитофон выдавал что-то англоязычное, и под этот аккомпанемент человек десять хаотично что-то говорили; как обычно после принятия, жизнь начинала казаться куда интереснее.

Соболю, разумеется, почти не пил. Он уселся на своей телогрейке так, чтобы быть точно напротив Мисс Август, и костер между ними отлично освещал и его, и ее. Соболю то и дело коротко посматривал на нее и однажды встретился с ней взглядом. Так повторялось еще раза два или три; пора было двигаться дальше.

Он поднялся, надел ватник и для начала отправился в лес за дровами; это периодически делал кто-то, кому было не лень. Наломав немного сухих еловых веток, он подбросил их в костер. Разумеется, это было удобнее сделать именно с той его стороны, с какой пребывала Мисс Август. Он присел возле костра, якобы интересуясь результатом своих действий, и тотчас обернулся к ней:

– Ты знаешь, что здесь есть свое собственное озеро Рица?

Она улыбнулась с некоторым удивлением:

– Нет...

– Здесь рядом старые песчаные карьеры. Довольно большие. Выглядят, как карманные горы. На дне одного карьера есть озеро. Может, там родник, а может, просто скапливается дождевая вода, – он тоже улыбнулся, – и именно до него мы никак не можем дойти.

– Знаешь, – сказала вдруг она уже без улыбки и удивления, – если вот так напиваться каждые выходные, никогда никуда не дойдешь.

Соболю не знал, для чего она это сказала но тут же понял, как это использовать:

– Поэтому я и не напиваюсь. А поскольку ты этого тоже не делаешь, мы можем пойти туда вместе.

Она молча поднялась и взяла с земли свою куртку, на которой сидела.

Он быстро исчез за границей света, создаваемого костром; Мисс Август последовала за ним; кажется, их исчезновения никто не заметил.

От костра казалось, что вокруг лежит полная тьма, но на самом деле даже в ночном лесу можно передвигаться, не натываясь на все подряд. Соболь к тому же мог пройти здесь даже с закрытыми глазами – он помнил эти места едва ни с рождения и знал так, как знаешь только то, что всегда нравилось, во что возвращаешься в памяти.

– Видишь что-нибудь? – спросил он Мисс Август.

– Не очень...

Он взял ее за руку.

Это был совершенно интуитивный жест, он не думал, что она внезапно потеряется. Но что-то подсказало ему, что взять ее за руку будет полезно. Он идет первым и ведет ее за собой...

Они вышли на просеку. Наверху три яркие звезды как раз помещались в узкой неровной полосе темно-синего полночного неба.

– Небо ночью черное, так ведь? – спросил он.

– Ну да.

– Посмотри вверх.

Они остановились.

– Точно черное? – спросил он.

Она помедлила и сказала:

– Обычно в таких случаях говорят: посмотри, сколько видно звезд.

Он рассмеялся – очень негромко; громкий звук был неуместен в такой тишине:

– Я спросил потому, что оно не черное. Только это обычно не замечают. Оно темно-синее. Похоже?

– Похоже, – сказала она; ничто не указывало на то, что она это увидела, но она согласилась – и кажется, сейчас это было важнее.

– Я заметил это, когда узнал, что в английском «темно-синий» будет «миднайт-блю» – «полночный голубой».

– Никогда не знала, что в английском есть темно-синий цвет, – сказала она, – хотя и учила английский. Знала только про голубой.

– В английском до странности много выражений для «темно-синий». Дип-блю. Дак-блю. Нэви-блю. Неви-блю – это, как я понимаю, цвет формы военно-морского флота, который иногда называют аббревиатурой «нэви». Ну и «сапфир» – это понятно.

Она засмеялась.

– Что? – спросил он, улыбаясь этому ее смеху.

– Ничего, – сказала она.

У него кружилась голова. Может быть, от смотрения в это полночно-синее небо с негородскими огромными звездами. Может, от ее почти физически ощутимого присутствия рядом – подумать только, женщина, которую он должен получить во что бы то ни стало, Главная Цель Существования Мира, стоит в одном шаге от него. Стоит протянуть руку...

Совершенно на автомате, ни о чем не думая, он обхватил ее за талию и притянул к себе.

Она слегка уперлась ладонями в его грудь, но само это движение, которое он не смог бы понять умом, на уровне подсознания подсказало ему, что надо делать. Он притянул ее сильнее, и нашел губами ее губы.

Когда странное, между темной землей и темно-синим небом состояние кончилось – сложно сказать, отчего и еще сложнее – сколько длилось оно – она сказала:

– Если мы не увидим озеро Рица, это будет мало отличаться от того, что происходит сейчас у костра.

Когда они увидели озеро, и последовало ожидаемое продолжение, и они сидели на берегу, и он обнимал ее за плечи, на которые набросил свою телогрейку, он сказал:

– Мы еще увидимся?

– Нет, – сказала она сразу.

Он ожидал этого – так же интуитивно, как делал все, что касалось ее – но все равно спросил:

– Почему?

– Хотя ты и ведешь себя, словно тебе принадлежит все самое лучшее, это пока не так. Пока, – она выделила это слово, – это совсем не так, – она выделила слово «совсем», – а женщина ждать не может. Ты, наверное, думаешь, что лучшее впереди?

Он кивнул в темноте:

– Да, конечно.

– А самое лучшее, что могу предложить я – это то, что я могу предложить сейчас. И еще лет десять. Потом все быстро кончится. И тратить время на тех, кто мало что даст взамен, мне уже поздно.

Некоторое время они молчали.

Потом она сказала:

– Это звучит очень банально и глупо, но я хочу, чтобы ты не считал, что я веду себя так со многими.

Он отрицательно покрутил головой в темноте:

– Легко поверить. Ты слишком дорого для этого выглядишь. По крайней мере, мне хочется в это поверить, и я постараюсь так сделать.

Она усмехнулась:

– Нет, ты просто меня поражаешь...

– Чем?

– Непохожестью. Почему ты не бухаешь и не ржешь дурацким шуткам вместе со всеми? Почему не говоришь и не делаешь никаких банальных, надоевших вещей? Почему думаешь, что надо просто делать то, что считаешь нужным, и все получится?.. – она посмотрела на него, – почему ты видишь, что небо ночью синее?

Она замолчала и отвернулась.

Он тоже молчал; признаться, все это несколько выбило его из колеи.

Потом она сказала:

– Хотела бы я посмотреть, каким ты будешь лет через двадцать... И хочется, и страшно.

– Почему страшно?

– Потому что способные мальчики обычно становятся болтунами, которые только и делают, что объясняют, отчего у них что-то не получилось... Я хочу пойти спать, проводи меня.

Они молча дошли до дачи Мисс Подружки, и тогда интуиция, которая весь вечер вела его через порядочный хаос в голове, оказала ему последнюю услугу.

Когда они стояли друг против друга возле калитки, он сказал:

– Пусть это будет первая банальность, которую я тебе скажу, а может быть даже ошибка, но я очень тебе благодарен.

Она усмехнулась:

– А я вот не уверена, что могу быть тебе благодарна. Хотя все было вполне неплохо... Потому что ты первый чувак, с которым мне приходится расстаться раньше, чем он успел мне надоест.

Он действительно никогда больше не видел Мисс Август. Но вспоминал ее часто, очень часто, особенно поначалу.

И еще вспоминал – с немалым недовольством собой – что так и не ответил на намеки Мисс Подружки. Он чувствовал себя виноватым перед Мисс Подружкой, но не мог заняться ею – Мисс Август, даже исчезнув, долго стояла между ним и всеми другими.

И он знал – почему.

Потому, что чем-то малопонятным, но явственно ощутимым, она напоминала ему Леди с «Феррари».

Которая – помните? – была не просто человеком, а Знаком Того, Что В Мире Есть Что-То Важное И Настоящее.

Студенческие годы Соболя начались, как им и положено – с веселья, состоявшего в посиделках в общаге, распитии соответствующих напитков и попытках дорваться до секса.

Отец это веселье на одобрял. Он считал, что Соболев тратит на него слишком много времени. Результаты первой сессии состояли из четверок и пятерок, но отец был недоволен.

– С виду непохо, – сказал он, – но все равно это не то. Везде и всегда лучшее достается первому. Через четыре с половиной года – а это немного – ты придешь на распределение. И там будут разные места. В том числе и очень хорошие. Их будет мало. На них будут претендовать те, кто сможет показать красивый диплом. Если ты будешь первым – ты сможешь выбирать из всего. Если вторым – из всего минус то, что возьмет первый. Если третьим – минус два выбора... Если тебя это устраивает – я огорчен. И сколько я тебя знаю, ты будешь огорчен таким выбором тоже. Я хочу понять, в чем дело. Почему, вместо того, чтобы бороться за первое место среди первых, ты проводишь время с теми, кто никогда этого не получит? Разве это не самое интересное – добиваться того, чтобы иметь возможность выбирать первым, из самого лучшего? Что такое есть в вашей общаге, что может это тебе заменить?

Соболев-младший некоторое время ходил вокруг да около, но потом дал отцу понять, что дело вовсе не в пьянках. Дело в леди, которые на них присутствуют, и в ряде случаев не возражают против секса.

– Чего и следовало ожидать, – сказал на это отец, – я только хотел, чтобы мои подозрения, основанные на моем собственном опыте, подтвердились бы.

После чего поделился и другим своим опытом, следующим из первого.

В результате этой беседы Соболев-младший резко сменил стратегию.

Припомнив для воодушевления свой успех в Мисс Август, он стал учиться знакомиться с женщинами в произвольных местах – обычно просто на улице или в метро. Пикаперского движения тогда еще не существовало, и почитать было нечего. Но из разговора с отцом он понял, что дело не в каких-то особых приемчиках, а в правильно выбранном контингенте партнерш. Он перестал подходить к девушкам своего возраста, и переключился на леди постарше. Выбор этот стал очевиден, как только Соболев задал себе правильный вопрос, и дал на него правильный ответ.

Что он хочет от этих отношений?

Думать о семье ему рано. Отец был старше маман на девять лет и считал, что это скорее минимум, чем норма; будущая избранница Соболева-младшего сейчас едва пошла в школу.

Романтические увлечения время от времени у него возникали. Но – прямо скажем – замена Мисс Август не находилась.

Оставался просто секс.

А просто секса хотели леди за тридцать, разведенные или неудовлетворенные в браке. Такие часто готовы были познакомиться со студентом. С этими леди не возникало никаких проблем, свойственных ровесницам. Они не собирались за Соболева замуж, не сообщали ему

о своих беременностях – которых по такому случаю и не возникало за полной ненужностью – не имели комплексов, и не вешали на партнера свои психологические проблемы. Они знали, что данные отношения существуют лишь для того, чтобы получать удовольствие от секса – и не портили его ничем лишним.

И времен на них уходило немного.

И почти все это время можно было заниматься тем, ради чего оно и тратилось.

И как только эта проблема оказалась решенной, он тотчас почувствовал: да, конечно, самое интересное – это быть первым и выбирать из всего.

Больше в общаге он не появлялся.

Но время шло, и возникали новые обстоятельства.

Изменения, которые поначалу казались просто очередными краткосрочными компаниями, становились все заметней.

И главное – они касались того, о чем раньше если и думали, то не говорили.

Еще в восемьдесят шестом году был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Еще не капитализм, разумеется – но явное отклонение от принципа абсолютно государственной экономики. Огурцами и яблоками вдоль шоссе торговали и раньше, но не по закону.

В восемьдесят седьмом опубликовали «Дети Арбата», которые Рыбаков тщетно пробивал с середины шестидесятых. И в том же году создали комиссию по реабилитации людей, ставших жертвами репрессий при Сталине.

В восемьдесят восьмом началось настоящее предпринимательство – приняли закон о кооперативах.

Примерно в то же время экономика стала понемногу сдавать.

В августе 1991 года в Москве произошла попытка государственного переворота. Она провалилась. Последовавшие за этим события сделали возврат к прошлому еще менее вероятным.

Когда весной 1992 года Соболь-младший писал диплом, это происходило уже не в той стране, в которой он поступал в институт.

Он много раз думал – что ему делать теперь? – и несколько раз говорил об этом с отцом.

Отец собрал много информации – у него хватало для этого друзей, и своих, и тех, кого знал в свое время его отец – но никто не сказал ничего обнадеживающего. Отцовские друзья работали в разных местах, считавшихся в свое время серьезными. Но и эти места не обошли общие проблемы. Если совсем коротко: все идет на убыль; денег мало; возможности того, что их станет больше, пока не видны; перспективы совершенно неопределенны.

Во время их финального разговора на эту тему, перед самым распределением, оставалось два вопроса.

Первый: существуют ли объективные основания предполагать, что в ближайшие несколько лет государственные организации получают финансирование на уровне десяти-двадцатилетней давности?

На этот вопрос отец однозначно ответил: нет. Никто из его знакомых, близких к руководству таких учреждений, не сообщил о возможном увеличении финансирования. А объективно – при таких ценах на нефть на это не следовало и надеяться.

И второй: какова вероятность того, что очередной переворот, вроде гэкачэпистского в августе девяносто первого, окажется успешным, капитализм свернут, а занятых им людей обеспечат рабочими местами в лагерях?

На этот вопрос однозначного ответа не было.

– У тебя есть какое-то мнение о том, что мне лучше делать? – спросил Соболь-младший отца.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет. Потому что глупо формировать объективное мнение об исходе лотереи. Мы можем многого не знать. Того, что мы знаем, для принятия решения не хватает... Скажи вот что: ты-то сам готов отказаться от результата работы, которую ты делал пять лет?

– Я делал ее для того, чтобы выбирать первым, и выбрать лучшее. Но оказалось, что там, где я рассчитывал, выбирать не из чего.

– Ни ответ ли это на твой вопрос? – спросил отец.

– В том смысле, что сейчас выбирать лучшее может лишь тот, кто одним из первых положит диплом в стол, и станет спекулянтom?

– Конечно.

Соболь-младший пожал плечами:

– Тогда это ответ ясен: если я по-прежнему хочу быть одним из тех, кто может выбирать лучшее, у меня есть только один ход. Даже если в нем содержится труднооцениваемый риск.

И было у Соболя-младшего еще одно совещание на эту же тему – с самим собой. На котором стоял только один вопрос: чего я хочу? Не выйдет ли так, что приняв рациональное решение, я много лет буду работать над тем, что мне на самом деле не нужно? А возможность получить то, что мне нужно, тем временем уйдет – ведь только первые выбирают изo всего.

Впрочем, одного человека на это совещание он пригласил – Леди с «Феррари». Потому что она – напомним еще раз – говорила ему, что является для него знаком. Знаком того, что в мире существует нечто важное и настоящее, чего у него нет, но что ему очень нужно. Он не слишком определенно представлял себе, что это за важное и настоящее. Но был уверен, что оно существует.

И чувствовал, что очень хочет его получить.

Но пока он получил другое – свой «красный» диплом. Который занял почетное место среди бумаг в его столе для того, чтобы – хотя это и не было тогда очевидно – остаться там навсегда.

Потом Соболев поехал на дачу – до сентября.

С одной стороны, он хотел поскорее взяться за новое дело, потому что сама его новизна и неизвестность воспринимались и как сюрприз, и как вызов. С другой – он чувствовал, что возможность провести месяц на даче представится ему не скоро.

А может, и никогда – все зависит от того, что он сумеет получить, и на что захочется тратить время тогда.

Но что бы он ни ждал впереди, месяц на даче казался ему возможностью, которую нельзя упускать.

Соболев никогда не считал чем-то достойным внимания заурядный спальный район, в котором находилась квартира его родителей. Его малой родиной, местом, что вспоминаешь всю жизнь, если случится уехать навсегда, была дача.

Дачу построил дед. Землю под дачный поселок выделили в середине пятидесятых, и примерно в это же время были построены тамошние дома. За тридцать лет поселок успел зарости деревьями, а дома – приобрести оттенок основательной старины.

Соболевская дача не слишком выделялась среди остальных. Типичный для Подмоскoвья дом, рубленый, но обшитый доской, с высокой двускатной крышей и парой комнат под ней, да с просторной застекленной террасой – местом семейных обеденных посиделок в летнюю жару. В середине дома, между комнатами, помещалась высокая узкая печь, покрытая изразцовоy плиткой. А в самой большой комнате, служившей при необходимости гостиной, со временем сделали камин.

Соболь обожал дачу с самого раннего детства. До школы он проводил на ней все время от первого тепла до первых заморозков. В школе и в институте – приезжал каждые теплые выходные.

На даче, разумеется, была компания детишек, подходящих по возрасту Соболю. Так как дачи давали сотрудникам института, где работал дед, и ряда других тому подобных учреждений, детишки эти происходили из похожих семей. Развлекались в целом пристойно. И хотя ближе к окончанию школы появились спиртные напитки, и стали случаться по пьяни всякие истории, которые долго вспоминали потом меж собой, алкашом никто из дачных сверстников Соболя не стал.

Был и фирменный дачный коктейль – горячая водка с клубничным вареньем; варенья этого на дачах было всегда до фи́га. Пили эту смесь исключительно зажавши нос, ибо испаряющийся спирт производил весьма отталкивающее впечатление. Зато она действовала быстрее водки, а девушки не находили ее противной на вкус.

К тому моменту, когда Соболь окончил институт, от дачной компании мало что оставалось. То один, то другой ее участник начинал приезжать все реже, а потом пропадал. Посиделки у костра становились все тише и малолюдней.

Один из таких исчезнувших успел сообщить Соболю информацию, оказавшую на будущее Соболя поистине судьбоносное влияние.

Изучение программирования в институте повлияло на этого соболевского дачного земляка так, что ни о чем другом он не мог говорить. Соболь, любопытный до всего нового и перспективного, однажды проговорил с ним об этом большую часть ночи. Много было тогда совсем не так, как стало уже через несколько лет. Но уже существовал «Микрософт», и «Оракл», и ряд других не менее успешных компаний и Соболь уловил во всей довольно хаотической информации, полученной им в эту ночь, гигантский призрак гигантского рынка, поднимающийся, подобно широко раскручивающейся спирали, из местечка под несколько неожиданным названием «Силикатная долина».

Это было знамение, и Соболь запомнил его.

Ближайшим другом Соболя на даче был чувак по фамилии Фомин; кличка его, разумеется, была «Фома». Фома выделялся из прочих неслабой эрудицией – поговорить с ним можно было решительно обо всем; Соболь даже присвоил ему дополнительную кличку «Аквинский». Этому человеку суждено было сопровождать Соболя во всяких делах еще не один год. Как и Соболь, он оставался одним из последних посетителей субботних тусовок.

Наконец, в последипломном августе настал момент, когда Соболь с Фомой остались бы у костра вдвоем, если бы не неожиданное появление нового посетителя.

Бывает в компаниях так, что вы знаете кого-то, кто моложе вас, с раннего детства, и привыкли воспринимать, как ребенка. Эта привычка отвлекает от осознания того, что дети растут, и в какой-то момент, обычно после долгого перерыва, вы обнаруживаете, что ребенок стал взрослым.

Ну, или почти взрослым.

Соседка по имени Настенька была таким ребенком все то время, что Соболь помнил себя. Когда Соболь пошел в первый класс, она ездила по дачам в коляске. Когда он заканчивал школу, она была девочкой-подростком, иногда встречавшейся ему на улице среди других таких же подростков; в его компанию они никогда не входили. Когда Соболь заканчивал институт, она как-то не попадалась ему на глаза, может – раз или два. Кто-то из ее компании иногда приходил вечерами к костру, может, и она была среди них – но он не обратил на нее никакого внимания.

В тот год она вдруг объявилась.

Причина ее появления оказалась проста: финансовые сложности у родителей помешали поездке на юг. За неимением лучшего Настенька приехала на дачу. В этом году она окончила школу; недавно ей исполнилось семнадцать лет.

Он столкнулся с ней на улице, утром. Фома еще спал после вчерашних посиделок. Они уже не бухали, но засиживались допоздна за разговорами, которые казались теперь куда интереснее водки с вареньем. Но Соболев не мог долго спать в солнечные летние дни, когда бы ни лег. Он просыпался рано и ощущение, что он может пропустить что-то важное, тотчас появлялось у него.

Он съел бутерброд и шел бродить по окрестностям – по лесным просекам и луговым дорогам, по краю карьеров, к тамошнему озеру... Стареющая луна стояла над верхушками деревьев, сопровождая его в этих утренних прогулках год за годом. На траве выпадало много крупной росы, и идти следовало в резиновых сапогах. В тени стояла почти ночная прохлада, посреди открытых пространств – почти дневная жара. Желтые листья то и дело мелькали в березовой зелени и иногда, в полной тишине и безветрии, отрывались по одному, не спеша летели и исчезали в траве. И какие-то огромные, во всю вселенную размером часы показывали, что лето скоро станет меняться, и настанет что-то еще.

– Привет, – сказала ему несколько неожиданно появившаяся за забором одной из дач леди.

Он остановился. Редкий штакетник забора символически обозначал границу участка, но ничего не мог спрятать. Несколько секунд он смотрел на нее, соображая, кто это. Потом понял.

Она очень изменилась. Не чертами, которые он едва помнил, а ощущением, вызываемым ею. Он знал, что лет ей немного и все же – вполне взрослая женщина смотрела на него с вполне взрослым выраженьем лица.

Сложно сказать, что именно производило такое впечатление. На самом деле, она не казалась старше своих лет, как кажутся иногда старше дамы с утрированно взрослыми фигурами. Настенька всегда была невысока и худощава, и таковой и осталась. Может, просто работал контраст с недавней девочкой-подростком? Или интонация голоса и взгляд, которые так различаются у взрослых и подростков при встрече с существом другого пола указали ему на то, что время подростка прошло? Так или иначе, от прежней Настеньки осталось только имя – в такой отчего-то иронически-детской форме. Может потому, что во взрослой компании была своя Настя?.. Все это показалось ему совершенно неважным. Важно было ощущение внезапного открытия – и очень приятного, надо сказать.

– О, привет, Настенька! – он широко заулыбался, и это была совершенно непроизвольная, действительно довольная улыбка.

И даже это не вполне типичное «О!» подчеркивало его радостное оживление. Ничего такого особенного не было в ней – почти правильное лицо, почти правильная фигурка – но было что-то очень притягательное, близкое и располагающее, мимо чего не пройти. Он потом так и сказал себе, объясняя свои ощущения – близкое и располагающее.

И в ответ на это радостное оживление она тоже улыбнулась – также широко и непосредственно, и он сказал:

– Слушай, я тебя очень давно не видел... – как будто они были в чем-то близкими людьми и у них что-то было когда-то.

– Я тебя, кстати, тоже, – сказала она.

Они стояли у ее калитки и разговаривали, и вскоре он знал о ней так много, словно и впрямь было у них что-то когда-то, и были они близкими в чем-то людьми.

Когда он пошел дальше, то посмотрел на часы; на разговор ушел почти час.

В начале сентября Соболев вернулся в Москву, и принялся за работу.

Буэнос-Айрес, август 2005: мелонга «Cobalt mood»

– Здравствуйте... Это Хельга...

Прошло почти две недели с их первой встречи, и он начал уже беспокоиться – куда она, собственно, подевалась?

Он вспоминал ее постоянно. Ему казалось, что что-то очень близкое то и дело мелькало между ними во время беседы в кафе. Такие разговоры мало с кем можно вести; ему их вести не с кем, и ей, наверное, тоже. В этом предположении он был почти уверен.

Ему показалось, что она растерялась от произошедшего. Похоже, она ожидала другого. И поначалу не вполне представляла, как вести себя с ним. А потом оказалось, что с ним можно вести себя так, как хочется – ни малейшего оттенка игры, привычных приемов, отработанной схемы не заметил и не почувствовал он в ее поведении. Оказалось, что ничего не нужно придумывать, потому что они похожи друг на друга, и можно быть просто собой.

А вот что он знает точно: он давно не думал вместе с собеседницей на одну и ту же тему во время разговора. Обычно он думал о том, что скажет, а не что на самом деле хочет сказать; как-то не надеялся, что его мнение будет понятно и близко.

И конечно, он ждал ее звонка с нетерпением, все более переходящим в беспокойство.

– О, здравствуйте! – он широко заулыбался; Хельга не могла не понять этого.

И кажется, эта его реакция немного смутила ее, потому что пауза перед ее репликой была явно затянутой.

– Я ни от чего вас не отвлекаю?

На самом деле она его отвлекала. Он ехал домой из офиса – шел девятый час. Но вокруг были уже холмы Саратоги, на дороге никого не было, а ехал он медленно.

Он поспешно свернул на обочину и включил «аварийку».

– Сейчас нет. Я ехал домой, сейчас стою на обочине, и едва ли кому помешаю – тут нет никого.

– Почему никого нет? Вы живете так далеко от... я даже не знаю, от чего...

Он снова заулыбался, широко и довольно. Она говорила так, как мог бы сказать ребенок: ничего не пыталась изобразить, просто говорила, что думала. И не стеснялась того, что может растеряться, чего-то не знать... Еще ему было приятно рассказать о месте, где он живет.

– Я живу в пригороде Сан-Хосе. Это совсем рядом с Сан-Франциско. Рядом, но все же довольно безлюдно. Мало домов, большие участки. Холмы. Очень хороший район. Мне очень тут нравится... Вы были в Сан-Франциско?

– Нет. Я вообще в Калифорнии не была.

– Неоднозначное место. Но мне оно с самого начала показалось своим. И где еще так бывает, что на берегу океана пальмы и круглый год лето, а за час можно добраться на самолете до гор со снегом?

– В Чили. В Сантьяго... Но там нет аэродромов в горах. И еще я видала что-то похожее... вспомню – скажу. Кстати... – ее голос стал немного другим, – я не просто так позвонила. Вы сказали, что можете приехать куда угодно...

Она сделала вопросительную паузу.

– Могу.

– Вы ни собирались в ближайшее время в Южную Америку?

«Южная Америка» после «Чили» сразу обратила на себя его внимание. То есть – что-то другое?

– Я смогу приехать начиная с послезавтрашнего дня, если речь идет о Чили или Аргентине. В другие места у меня нет визы, и я не знаю, как долго ее получать.

– В Буэнос-Айрес.

– В Буэнос-Айрес?

В его голосе невозможно было не заметить искреннего удивления – ее звонок обострил и его восприятие, и все его реакции – все казалось необычным, веселым.

– Это слишком неожиданное предложение? – кажется, она подумала, что это ему не очень подходит.

– Неожиданное, и это отлично! Я никогда не бывал там – аргентинские лыжные районы доступней из Чили. Но смотрел фотографии. И мне показалось, что там интересно.

– Я буду в Айресе один вечер. Я хочу показать вам место, которое мне нравится.

– Какое?

Она секунду помедлила:

– Можно не говорить?

Он засмеялся:

– Конечно... От меня что-нибудь требуется?

– Брюки и пиджак. Темные. Галстук не обязательно.

– То есть, не костюм.

– Можно не костюм. Наверное, даже лучше не костюм. Не забудьте куртку – там будет нежарко. И... вы действительно говорите по-испански?

– Говорю. Но так, что в Аргентине меня считают чилийцем, – он усмехнулся, – и не самым образованным, полагаю.

– Это не важно, я думаю. Просто в этом месте не говорят на английском. Оно совершенно не туристическое... Я была там с человеком, который тоже знает испанский. Два года назад. Но думаю, там за это время ничего не изменилось. Это такое место, где ничего не должно меняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.